

ДМИТРИЙ КИМ

По обе стороны снов

Дмитрий Ким

По обе стороны снов

«Издательские решения»

Ким Д.

По обе стороны снов / Д. Ким — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935054-1

Сны — это другие реальности. Проснувшись, мы их всегда смутно помним, а иногда и не помним вовсе. А что, если однажды вы будете попадать в один и тот же сон, в параллельную реальность, в которой все интереснее, чем в этой, под названием ваша жизнь? С завидным постоянством все чаще и дольше вы живете там, где многое зависит от вас. Где вы можете воплотить свои самые несбыточные мечты и повлиять на ход своей судьбы?

ISBN 978-5-44-935054-1

© Ким Д.

© Издательские решения

Содержание

ПО ОБЕ СТОРОНЫ СНОВ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ. КАК АРГОНАВТЫ В СТАРИНУ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОТЧАЯНИЕ И БЕЗЫСХОДНОСТЬ	15
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕРМАНИЯ – ОНА ТАКАЯ ГЕРМАНИЯ!	19
ГЛАВА ПЯТАЯ. СОЮЗНИКИ	21
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ БО И ВОЛШЕБНАЯ ПОВОЗКА	25
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ГОРОД АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЫ	31
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВЕДЬМА	34
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

По обе стороны снов

Дмитрий Ким

© Дмитрий Ким, 2018

ISBN 978-5-4493-5054-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПО ОБЕ СТОРОНЫ СНОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СТРАННЫЕ СНЫ

Мир, в котором я существовал, был несовершенен. Населяющая его доминирующая раса все время собиралась кого-то уничтожить. Соседа, не того цвета кожи себе подобного, не того вероисповедания, даже насекомых.

Осознание того что этот мир мне не нравится, вызывало во мне внутреннее сопротивление, неприятие. Работа, дом, работа, – все это просто осточертело. Этот скучный, серый мир мне определенно не нравился. Все чаще приходила мысль, что я живу как-то не так, – это не я, это не моя жизнь, все мне снится! Хотелось чего-то нового, интересного, захватывающего, а вместо этого время и серая, скучная жизнь, утекали сквозь пальцы, как песок. – Должен же быть способ изменить всё, или измениться самому! Но все мы снова и снова бежим по какому-то замкнутому кругу, определенному кем-то, или чем-то.

Только во снах, иногда, мелькал тот мир что мне нравился. Просыпаясь, я смутно помнил что-то такое, от чего щемило сердце, и улыбка не успевала покинуть лицо. Но сны чаще упорно меня игнорировали, я просто проваливался в темноту – и всё! – Вот оно моё утро: работа, дом... Засыпая, я хотел увидеть то, чего мне недоставало, чтобы приснилось что-то такое, что могло меня удивить настолько, что, проснувшись, я бы не мог понять где я, – еще там, или уже здесь...

Вприпрыжку бежать в женских штанах было неудобно. Но выбирать особо не приходится, когда позади слышен топот ног и грузный рёв ее мужа. Я несся во весь опор, занятия спортом в юности все жегодились – эта мысль как заезженная пластинка крутилась в мозгу, не давая места другим. Поэтому я несся, не разбирая пути, по прямой. И когда я довольно далеко оторвался от преследователя – прилетел сюрприз: ее муж в юности видимо тоже занимался спортом, наверняка метанием. Кто же убегает по прямой! – Мысль эта ярко вспыхнула в затылке, после того как в него прилетел кусок чего-то, довольно твердого. Темнота перед глазами стала немного оранжевого цвета, потребовалось усилие воли чтобы не упасть и не вскрикнуть. Мозг наконец-то вытащил из своих недр идею – резко повернуть за виднеющимися впереди кустами облепихи, что я и сделал. Пробежав еще метров двадцать, я затих у какого-то бунгало. Топот пронесся мимо и удаляющийся шум подтвердил мне что идея пришла вовремя.

Этот трехдневный отдых, в который я рискнул отправиться, пытаясь улизнуть от всепоглощающей скуки и мерзкого технического директора с ее вечными пмс, пошел явно не по тому сценарию к которому я привык годами. Потирая растущую шишку на левой стороне затылка и нервно посмеиваясь, я поплелся в свой номер. В голове слышался звон, даже не звон, а какой-то писк. Затылок слева стал принимать более выпуклые формы чем было заложено природой – надо было принимать меры. Зайдя в номер, я тихо, чтобы не разбудить друзей, открыл холодильник, достал холодную бутылку пива и приложил ее к шишке – больно, но после стало разливаться блаженство. Открутив крышку у бутылки, я налил часть ее содержимого в один их двух бокалов, которые горничная по заведенному тут порядку оставила на столике, присел на край дивана, который мне выделили в зале, как единственному не семейному члену нашей дружной компании, и глотнул, после чего приложил бутылку обратно к затылку. Поморщившись от блаженства и от пузырьков пива ударивших в нос, я наконец расслабился.

Эта странная ночь стала поворотом в днях, похожих один на другой. Из-за шишки я не мог лежать на левой стороне как привык, пришлось ворочаться почти до утра – приключения и ночные скачки по кустам, выдали слишком большую порцию адреналина, с которой едва справились эти пол-литра пива. Уснул я в шестом часу...

Небольшой краулер управлялся так же как обычный гражданский транспорт, – он и был гражданским, только бронированным. Сверху, на турели, был установлен пулемет под колпаком из прозрачной брони. Емкости со снарядами забили половину багажного отсека, вторую половину занимала холодильная камера для запасов еды и бак литров на триста для питьевой воды. Электрический двигатель питался от солнечных батарей, которые раз в сутки приходилось раскладывать на крыше. Внутри можно было стоять в полный рост, справа и слева в задней части салона находились две раскладные кровати, слева, сразу за водительским местом, ступени вели к турели и удобному креслу стрелка.

Экспедиция была рассчитана на месяц. Поскольку вес машины был и так предельный, на борту был только сух паёк на три дня и запас воды. Все остальное должны были добыть сами.

Бо прикоснулся к монитору, активируя перенос. Подступила тошнота и потемнело в глазах, сознание затуманилось и стало отключаться – вот так, наверное, и умирают...

Темнота понемногу рассеялась, мы плавали в каком-то озере. Волны слабо накатывали справа на наш автомобиль, Бо был еще в отключке – он всегда хуже переносил перемещения. Мне невыносимо хотелось в туалет. Но отверстие в полу в надводном положении открыть было нельзя – просчет в конструкции, надо будет это учесть. Пришлось лезть к потолочному люку. Откинув квадратную крышку, я высунул голову. Яркое солнце, блики от волн и кристально чистый воздух вскружили мне голову, ноги стали ватными, и я прислонился боком к краю проема. – В этом воздухе явно было больше кислорода чем в том к которому мы привыкли. Писк в ушах прекратился, головокружение прошло, и я полез заново. Встав на край предпоследней ступени, я высунулся по пояс. Красота открывшегося вокруг вида, чуть не отправила меня обратно в небытие, в котором еще находился мой друг Бо – просто сперло дыхание от увиденного! Яркая зелень холмов, бирюзовая вода и хрустальное небо, заставили меня на время забыть, как дышать. Вооружившись пистолетом, я вылез на крышу. Местами она была скользкая – это тоже надо было учесть в дальнейшем. Сделав воду теплее, я совсем расслабился. Растянувшись полулежа на крыше оглядел все побережье. – Буйная растительность, ни намек на фауну, хотя интуиция и предшествующая вылазке информация говорили об обратном.

Внизу зашевелился Бо. – Сейчас вылезет, подумал я. Точно, в проеме показалась лысеющая голова с его фирменной улыбкой.

Мой лучший друг и верный напарник Бо. – Коренастый, среднего роста улыбчивый оптимист. Темно-русые, слегка редеющие на макушке волосы, непослушно торчали на его голове. Правильные черты лица с высоким лбом, слегка крупноватым носом и небольшими, глубоко посаженными глазами с внимательным взглядом, говорили о его высоком интеллекте и решительности. А маленькие морщинки в уголках глаз – о тонком чувстве юмора и доброте.

– Что-то в туалет хочу так, что влага уже лезет через слезы! – Сказал он и поскользнулся на гладкой крыше, едва не упав в воду.

– Надо бы учесть это когда будем усовершенствовать, сказал он, потирая локоть. Рифленая пластина сюда и сюда, – он показал пальцем на крышу.

По утвержденному заранее плану, нам предстояла рекогносцировка. Запустив водометный двигатель, мы медленно двинулись в направлении мыса, солнце уже садилось и нам нужно было позаботиться о лагере и о еде.

Боль. Слева в голове. Легкое одеяло на полу, крики проснувшихся детей на втором этаже. Я замерз без одеяла. Странно, а где же Бо и бронетранспортер? Шишка все же порядком опухла и побаливала при малейшем повороте головы. Сны мне снились редко, связные сны вообще раз в десятилетие, а уж такой реалистичный я видел впервые. Все еще думая про сон, я нехотя встал с дивана.

Дети друзей повылезали из всех щелей, – иногда мне хочется собрать их всех в какой-нибудь мешок и запихать в багажник случайной проезжающей машины. Потом стоять, пома-

хивая им вслед платочком, утирая слезу облегчения. Но обычно я их терплю – не понятно за что они все меня любят. Почему все чужие дети липнут именно ко мне? Пришла здравая мысль – надо убежать в туалет, пока они меня не обнаружили. Натянув шорты, я метнулся в туалет, тем более что пиво, выпитое накануне, напоминало о себе даже ярче чем шишка.

«Душа человека находится под его мочевым пузырем – освободил пузырь и на душе полегчало» – вспомнил я чье-то высказывание. А ведь правда, так и есть. Стараясь поворачиваться всем корпусом, из-за боли в затылке, я принялся чистить зубы.

В дверь ломились дети. С тоской подумав об удаляющемся такси, мешке и о белом платочке, я промычал с пеной от зубной пасты во рту: – Я сейчас.

Клянусь – точно так и сказал. – Не знаю почему, притихнув, они умчались к своим мамам. Я даже представить себе не мог чтобы я кричал детям: "– а вот я сейчас выйду, того кто стучит в дверь поймаю и засуну головой в унитаз!" – эти дети чего только не выдумают!

Завтрак, купание на пляже, обед – пролетели незаметно. В последний раз окунулся и пошел собираться. Микроавтобус приехал точно, как договаривались – в четыре. Шумно расселись по местам, и машина наконец тронулась. Отдохнули мы на славу, – поэтому уезжали с некоторым сожалением. Особенно я, осторожно трогая левую сторону головы. Дети шумели, машина покачивалась, солнце слегка слепило глаза, – прикрыв их я задремал.

Бо тряс меня за ногу. Я открыл глаза.

– Что там?

– Кто-то толкнул краулер! Глаза у него были спросонья круглые и тускло поблескивали в дежурном ночном освещении кабины.

Я тоже почувствовал колебания и услышал тихое сопение снаружи. Было не холодно, но кожа на руках покрылась мурашками. Затаив дыхание, мы слушали. Сопение продолжилось, затем последовал тихий скрежет чего-то о металл обшивки. – Мы вообще забыли о дыхании. Наконец грузные шаги стали отдаляться, пожар в моих легких достучался наконец до мозга, я сдавленно выдохнул и тут же жадно вдохнул, Бо сделал то же самое. Мы смотрели друг на друга. Наконец мысли пришли в порядок, и я все еще шепотом произнес: а чего это мы перепугались? – Вокруг нас пять миллиметров стали! Бо с нервным смешком произнес: я тоже об этом подумал. Мы широко улыбнулись, – хорошо бы глянуть кто там!

Столкнувшись лбами, мы пролезли вдвоем в колпак турели и одновременно увидели десятка полтора силуэтов на фоне светлой поверхности мелководья – было почти полнолуние. – Крупные животные с длинной шеей, как тени перемещались на двух нижних конечностях. Движения их были быстрыми, уверенными – это явно были хищники. Облако закрыло луну, и мы слезли вниз. Минуты три сидели в полном молчании, затем Бо спросил: ты случайно есть не хочешь? Я почувствовал приличный голод и кивнул. Мы достали две банки тушеного мяса. – Вкусно. В три часа ночи всё всегда вкусно. Тушеное консервированное мясо – это одно из самых величайших изобретений человечества, – я в этом твердо уверен! Не знаю, как живут вообще те, кто сидит на диете, но поесть после полуночи – вот оно счастье!

Капли жира из банки пролились на руку, облизнув палец я обратился к товарищу:

– Ну их, – все равно ничего не видно, может поспим?

– Можно попробовать.

– Учитывая пять миллиметров брони и пять тонн веса нашей крепости – легко. – Успокоил я сам себя.

– Ну, давай.

Сон не шел. Прислушиваясь к шорохам снаружи, мы лежали уже почти час, каждый у своей стены. – Надо бы какую-нибудь занавеску прилепить между койками, подумал я и наконец заснул.

Аптека! – Я моргал глазами. Друзей укачало, и они попросили сделать небольшую остановку у первой попавшейся аптеки.

На лбу болит – с Бо столкнулись, когда полезли вдвоем в бронеколпак. Я медленно приходил в себя, вылезая из микроавтобуса и доставая сигареты. Бо и шишка на лбу. – Наверное во сне при торможении стукнулся о переднее сиденье. Странно, но почему так сильно? Почему тогда не помню этого? Две шишки и два реалистичных до мелких деталей сна – это уже был перебор. Покурю. Подумаю потом.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КАК АРГОНАВТЫ В СТАРИНУ

Несколько дней странных снов не было, я уже с сожалением думал, что Бо и тот необычный мир навсегда исчезли из моей жизни.

Нужно было быстро доделать очень много дел на работе, – меня ждали готовая виза и билеты в Европу. Время поджимало, сильно уставая, по ночам я просто проваливался куда-то в темноту. Моргнул – утро.

– Только постель смята и за окном светает. Наконец, за два дня до вылета я закончил все дела.

Самолет попался так себе, – он не имел никаких экранов в салоне и откровенно выглядел староватым. – Поэтому я собирался хорошо выспаться, насколько это позволяли узкие и неудобные проходы между сиденьями. Задумчиво жуя батончик с арахисом, упершись лбом в иллюминатор, я глядел на перистые облака внизу. В промежутках между облаками виднелись розовые снежные вершушки горных хребтов, освещенные утренним солнцем. Внизу была еще ночь, но здесь, наверху, уже было утро. Началась гонка между наступающим утром и самолетом, убегающим от него на запад. Вот так, глядя в облака, уткнувшись лбом в иллюминатор я и получил тычок.

– ... и не надо на запад, с той стороны берег болотистый – увязнем. Ты меня слышишь? Проснись уже! Солнце почти в зените! Бо ткнул в плечо еще раз.

Помотав головой и придя в себя, я пошел умываться.

Как нам и обещал старый Алек, этот мир и правда на вид казался совсем диким. Ни одного признака цивилизации мы пока не видели.

После колониальных войн, госслужащие класса «шадовар» оказались не у дел. Расформированные элитные части ушли на покой, или, если не сиделось спокойно, так как мне с моим вторым номером Бо, шадовары полезли во всякие сомнительные авантюры. Вот и Бо неделю назад вломился в мою гостиничную капсулу как ураган, потрясая над головой рекламной листовкой.

– Слышь, первый номер, я не могу уже тут сидеть! Загорать и пить коктейли – это не моё. Смотри что нашим предлагают! – Новые параллельные миры! После развала имперской службы мирового контроля, при желании можно принять участие в экспедициях. Не совсем законно конечно, однако прибыль сулит неплохую, да и засиделись мы уже. – Ты со мной?

– Так мы познакомились с Алемом ан Яком.

Старый военный, что было видно по его шрамам от ожогов и крепким выражениям, от которых уши у женщин не то что сворачивались в трубки, – они просто раскаляясь отми- рали, он, со свойственной военным прямоотой, рубанул: все-таки пришли! А я ждал вас раньше!

– Двадцать процентов каждому, остальное моё – командным тоном рубил слова Алек, прохаживаясь перед нами. Оборудование моё. Частоту мира знаю только я. Предварительно мой зонд показал, что мир пригоден для колонизации – но нам это не нужно. Поскольку он не развит и возможно даже не населен разумными существами, наша первичная задача – разведка ресурсов. – Всё понятно? А сейчас закрепляем договор своими генетическими кодами и через четыре дня в это же время здесь с вещами. – Вопросы есть?

– Вопросов не было.

А зря! Я люблю сладкое, а этот старый козел либо забыл, либо посчитал что в сухих пайках сладкое – это излишество. Кроме того, он на всякий случай зарядил наш пулемет разрывными, а через каждые 4 штуки трассирующими пулями, после вчерашней стрельбы по каким-то крупным птицам, на обеденный стол попали только их шеи. Чем мы будем добывать себе

пропитание, – старый вояка сильно на этот счет не переживал, как выяснилось. Его вера в нас радовала конечно, но поесть чего-нибудь вкусного все же хотелось.

Бокс был новый, – Алек, вложивший в его приобретение всю свою воинскую пенсию, а также всё что выручил с продажи небольшого сантехнического бизнеса, буквально пылинки с него сдувал. Поэтому мы с Бо особо не переживали из-за того, что с ним могло пойти что-то не так. – Этот бокс мы знали. Военный образец. Для разведподразделений. Усиленный ядерным блоком питания, он был практически не убиваемым по части надежности. Бокс так и назывался: «для перемещения в подпространстве модернизированный, модель номер четыре».

Место мы нашли очень удобное: родник, позади скала – можно сделать помещение, прилепив его к этой скале. Само ущелье, где мы решили сделать штаб-квартиру для вылазок, было похоже сверху на бутылку. – В целях безопасности достаточно было укрепить вход «бутылки». Столь удачное место нашли с помощью коптера на второй день. Как оказалось, места тут были просто волшебны красивые – повсюду росли огромные деревья, обвитые плющом и кустарники, внизу расстилалось то самое кристально чистое озеро.

Наша первая задача – найти и укрепить место базового лагеря, была выполнена. Второй задачей значилась разведка местности в радиусе одного перехода на транспортере. С третьего дня мы принялись за ее выполнение. Бо вел транспортер, я следил за картинкой, которую передавал коптер.

Ничего существенного. Стада животных, леса, луга, дым. Поперхнувшись – , я почти засыпал от монотонного покачивания и откашливаясь, я хлопнул Бо по плечу, – как оказалось, хлопал я его по голове, отчего тот подпрыгнул от неожиданности и нажал на тормоз. Ремни безопасности впились мне в ключицы, в кузове загрохотали, падая с верхней полки два цинка с патронами.

– Справа в одной лиге от нас дым, все еще откашливаясь произнес я. Лигами мы привыкли измерять расстояния – так было принято в разведке. – Примерно две тысячи шагов.

Сработали вдолбленные годами инстинкты военной подготовки: транспорт тихо скатился в кусты, Бо мгновенно засел за пулемет, я поднял выше коптер и повел его в сторону дыма. Утренний туман почти рассеялся, и мы увидели правильный прямоугольник укрепленной стены из заостренных стволов деревьев. Здесь были люди.

– Бииф о чикен? – Я хлопал глазами. Стюардесса спрашивала что-то у соседки справа. Та ей невнятно ответила и получила за это еду. Окончательно проснувшись, мозг лихорадочно вспоминал курс английского. Вроде спрашивает мясо или птица. Не дожидаясь вопроса, я выдал – биф! И добавил: плиз. – Сработало.

– Вообще на турецких авиалиниях кормят вкусно, думал я, уплетая мягкий сыр и маслины. Всё в каких-то коробочках, запечатанное. Очень интересно. – Я не летал уже очень давно. Турками – так вообще впервые. Раскрыв красивую маленькую вакуумную упаковку, я обнаружил джем. Клубничный вроде. Свежая булочка и сливочное масло в такой же маленькой упаковке пришлось как нельзя кстати к этому джему. Жизнь налаживалась, последние проблемные дни на работе окончательно испарились из моего сознания, в иллюминаторе сквозь разрывы в облаках угадывалось Черное море, солнце, догнав самолет, поднялось выше, окрасив небо в нежно-голубой цвет, даже чопорная соседка после еды расплылась в кресле и выглядела по-домашнему, сняв обувь и подогнув ноги. Ляпота.

Так далеко я еще не летал. Сидеть в кресле было неудобно. Поскольку рост у меня высокий – я постоянно упирался коленками во впереди стоящее кресло. Шестичасовой перелет под конец меня измотал. Наконец-то самолет стал садиться. Внизу расстилалось Средиземное море. Бирюзовое, с крапинками разноцветных корабликов. Завороженно я смотрел и смотрел на море, пока самолет заходил на посадку. Коснувшись колесами полосы, он слегка подпрыгнул, – от чего у меня подступил комок к горлу и мурашки стадом пробежались по спине.

Мурашки по спине... однажды они у меня бегали не просто стадами, – они носились целыми армиями, – я вспомнил:

В Боомском ущелье пятая категория сложности для спуска на рафтах. На одиннадцатый по счету спуск, меня смыло волной. Обычно эту скалу мы обходили слева, но паводок принес туда дерево с корнем. Пришлось обходить справа, где была огромная воронка. Первый наш рафт закрутило. В него на полном скаку влетел второй, вытолкнув первый – и оба от столкновения потеряли четырех гребцов. Во второй рафт влетели мы. – Помню, как рафт неестественно задрал нос вверх и вправо, я был передним левым и меня выбросило спиной назад, мои ноги оказались выше головы. Шестеро выпавших. По два из каждого рафта. Где верх, где низ – не понять. Гидрокостюм моментально пропустил холод. Спасательный жилет не помог – вокруг не вода, а пена от водоворотов, а она не держит на плаву. Удары о дно посыпались один за другим. В грудь. В голову. В спину. В колено. – На дне были огромные валуны. Меня мотало под водой так, что слетел гидроносок, застегнутый на молнию и намертво зафиксированный сверху штаниной гидрокостюма. – Его просто сорвало на очередном кувырке у дна реки.

Легкие жгло огнем – за один вздох я готов был отдать всё!

Свет! – Там поверхность и воздух! – Из последних сил я рванулся к свету. Грохот воды ударил по ушам – я у поверхности! – Вдох! Провал обратно в пену, обратно ко дну. Удар в грудь! – Подводная скала мокро и шершаво покарябала мне подбородок. Весь воздух, с таким трудом набранный в легкие, мгновенно выбило этим ударом. – Только бы не вдохнуть воду! – Иначе конец. Вижу свет наверху. – Толчок ногами от валунов на дне. Грохот воды – я вновь на поверхности. – Вдох! Оглянулся. – Слева отвесная скала. – Туда нельзя, там не спасут. Оттуда вверх по отвесной скале не вылезти. Справа, где-то далеко справа пологий берег, весь в зарослях колючей облепихи – туда! Свет опять померк. Опять я у дна. Удар в спину – спасательный жилет из пенопласта выдерживает удар, но напор воды настолько силен, что чуть не сломал мне шею. Поток воды забил полный рот и нос воды, от чего где-то в затылке возникло чувство жжения. – Наверх! Глоток воздуха скорее – хоть один! Сил совсем уже нет! Еще один гребок. Еще! – Все смешалось. Тьма. Удар. Свет. Вдох. Тьма. Свет. Вдох. Грохот воды. Тьма. Свет... вижу берег. – Вот он! Силы покинули. Тонкая ветка облепихи над водой. – Последнее усилие! Сил больше нет совсем, совсем! Пальцами цепляюсь за ветку, нависшую над водой. – Только бы она не сломалась... еще сантиметр, еще, – перебираю пальцами ветку, течение тащит, ветка трещит. – Еще сантиметр, ухватился другой рукой... осторожно! Осторожно! – шепчу, задыхаясь, сам себе. Еще сантиметров пять. Еще немного. Ногами чувствую дно отмели. Отталкиваю себя по дну к берегу. Еще. – Еще немножечко! Дно ощущаю уже спиной. Свет бьет прямо в глаза. Ветка уже над головой. Задыхаясь, я откинулся на спину на отмели. Пролетел мимо пугающий нас катамаран, – инструктор Валерка, смотря на меня кричит, пытаюсь перекрыть грохот воды: лежи здесь! Лежи здесь! – Мы вернемся по берегу и подберем тебя! У Валерки серое от ужаса лицо. В воде виднеются еще чьи-то каски... От холода немеют руки и стучат зубы. Волны качают меня, я расслабился... я лежу....

Девчонки, посмеиваясь, гребли как попало. Солнце поднималось и стало припекать. Гидрокостюмы нагрелись – в них становилось жарко. Мы радовались брызгам, охлаждающим нас, и прислушивались к командам капитанов: «когда я говорю „вправо“ левые загребные начинают грести сильнее, правые же начинают табанить веслами и наоборот – всем понятно?». Новенькие девчонки перекликались с одного рафта на другой весело смеясь, настроение было превосходное. Так мы плыли, отрабатывая приемы управления надувными рафтами. Опытных гребцов посадили впереди загребными, новички же сидели позади. Шестиместные рафты были надежными суденышками и потопить их было практически невозможно, если только не пропороть их о подводную скалу или корень подтопленного дерева. Но еще надежней был катамаран. – Этот аппарат, состоящий из двух поплавков не то что утопить – перевернуть было практически нереально, – поэтому он плыл замыкающим, страхуя наши три рафта. Мы, уже

плававшие тут, немного напряглись – впереди был «Красный мост», у которого начинались пороги. Девчонки же всё ещё находились в радужном настроении, ничего не подозревая.

И вот начались пороги... смех и щебетание разом утихло. Послышался грохот воды, разбивающейся о скалы. Команды капитанов стали громкими, срывающимися на крик, но и их слышно было с трудом. – Вправо! Сильно!!! Стоп! Влево! Влево сильно!!! Надвигающаяся опора Красного моста стала расти на глазах, нас несло прямо на нее. – Вправо сильно! Сильно!!! Глаза девчонок округлились в ужасе. Нас стало бешено швырять, мы подлетали вверх на гребнях волн, рискуя выпасть в любую секунду. Держаться в рафте можно только подъемами ступней в специальных петлях на полу – иначе, если закрепиться по-другому, при повороте рафта можно задохнуться, запутавшись в креплениях. Девчонки, не обращая внимания на потекший макияж, от страха гребли не на жизнь, а насмерть. Криков команд из-за грохота воды не стало слышно совсем, и мы, два передних загребных, интуитивно гребли куда-то вперед. Удар веслом по каске привел в чувство, – в ухо кричали: вправо! Вправо!!!...

Через 15 минут ада мы пристали к заводу. Мост был позади. Нужно было подкачиваться – рафты перед спуском нагрелись, в ледяной воде воздух в них остыл, и они подпустились, требуя подкачки. Девочки всхлипывали – у многих отлетели накладные ногти. Капитан рафта злорадствовал: как понесло на скалу – все жить захотели? А то вначале шевелили веслами как дохлые мухи!

Подкачавшись, мы продолжили спуск. Девочки уже повеселели – ногти и так уже отвалились, макияж стёк, – терять уже было нечего, а тут американские горки, с ведром ледяной воды в лицо через каждые пятнадцать секунд – романтика.

Влево! Стоп. Вправо сильно!.. Впереди слева показались отвесные скалы. Пролетая мимо рыбаков, ловящих форель на речных камнях, девушки махали им руками и веслами, – те улыбаясь, восторженно махали в ответ. Высоко наверху, на скалах, проходила автомобильная дорога и был заметен памятник – снежный барс. Опять появились пороги. Вода бурлила водоворотами – на рафтинге их называют «бочками». Волны усилились до размера штормовых. Грохот не давал возможности слышать команды, – в ход опять пошли удары веслами по каскам. Впереди появился огромный камень. Первый рафт почему-то пошел не слева от него как обычно, а справа... – бывалые насторожились: что-то пошло не так!

– Дерево. Там торчало дерево! Первый рафт, в котором сидел самый опытный капитан и два самых опытных загребных, стал набирать ход – мы знали, что там коварнейшая бочка размером с хороший перекресток дорог, и ее следует пролететь на максимальной скорости – иначе она закрутит, засосет. И выбраться потом из нее – очень страшная проблема. К несчастью, кроме опытных капитана и загребных, остальные члены команды были девчонки-новички. Мы услышали не то визг, не то писк и поняли: – они попали в бочку, им не хватило скорости. Водоворот стал бешено крутить рафт, девчонки побросали весла, и в паническом ужасе кричали. И вот, в них врезался на максимальной скорости, как торпеда, второй рафт. От сотрясения при ударе вылетели в воду сразу несколько человек. Первый рафт от удара каким-то чудом смог выскочить из бочки, – но теперь в ней крутился второй, в воде виднелись оранжевые каски...

– Вправо! Вправо сильно!!! – Надрывно кричал капитан. Но мы не могли ничего поделать, нас несло, рафт уже не слушался. – Удар! Нос задрался! Холод. Пузыри и холод...

Я лежал возле берега в воде и не мог отдышаться. Валеркин катамаран удалялся. Перед глазами пронеслась вся жизнь. Далеко вверху стояли люди у автотрассы и глазели на меня. Памятник. – Теперь это уже был памятник оленю – вяло заметил я. По берегу ко мне шел человек. По оранжевым каске и жилету я понял, что это один из наших. Муж Оли. Подойдя, он плюхнулся на колени, и задыхаясь произнес: Олю тоже выбросило, ты ее не видел? Я промолчал. Сил не было совсем, да и Олю я не видел. В ответ я смог только помотать отрицательно головой. Отдышавшись, мы решили пробираться к своим. Нас окружала сплошная стена дикой

облепили. Ни одного просвета. – Стена игл. Пройдя по мелководью метров десять, мы обнаружили какую-то низенькую звериную тропку сквозь колючие заросли. Иглы впились в ступни, – у меня еще и одного гидронаоска не было, но поскольку ноги в ледяной воде окоченели – мы не чувствовали уколов. Ползком начинаем продвигаться по тропке, иглы впиваются уже в тело, но нас немного защищают гидрокостюмы – и мы продолжаем путь. Наконец, продравшись сквозь тернии, мы выбрались на небольшую дорожку. – К нам бежали наши.

Растерянные лица. Валера произносит: с вами вместе нет шестерых. Хромая, я поплелся к рафтам.

Картина кораблекрушения была налицо: растерянные лица, половины людей нет – кто выпал, кто ищет. В глазах у всех безысходность, растерянность и страх. Сев на землю, я стал машинально ковырять прутиком на земле, думая: что же теперь? Что?

Уныние и разгром. Поднявшись, я тоже собрался на поиски. В это время из-за деревьев показались люди. По двое, по трое, собиралась вся команда. Выжили все. Синяки в половину спины от ударов о подводные валуны, царапины, ушибы, ссадины – мы легко отделались. Послышался сначала нервный смех. Потом он перерос в громкий веселый.

Напряжение спало. Отдохнув немного и воспрянув духом, все решили продолжить сплав, не смотря на то что инструктор Валера отговаривал нас – дальше будут пороги «тёщин язык» и «Наташкин камень» – там еще покруче бочки. Но никто не хотел сдаваться. Девчонки, которые в начале путешествия получили надувные спасательные жилеты, и по причине неудобства (они натирали шею) приспустившие их, теперь обратно лихорадочно надували свои средства спасения. Все решили продолжить сплав. Подкачавшись, мы вновь понеслись в лихую неизвестность. В голове у меня почему-то крутились слова песни, которую напевал от страха у Джека Лондона, не умевший плавать храбрый Малыш, когда сплавлялся на утлом суденышке по страшному ущелью «Белой лошади»:

«Как аргонавты в старину
родной покинув дом,
поплыли в дальнюю страну
за золотым руном...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОТЧАЯНИЕ И БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Аэропорт «Ататюрк» – это отчаяние и безысходность. По крайней мере таким он запомнился мне.

А теперь по порядку:

Мало того, что мы садились очень долго, – очередь заходящих на посадку самолетов была как в хороших автомобильных пробках.

– Всё небо было в самолетах, из-за чего рейс опаздывал, стыковка на другой рейс была рассчитана с интервалом в два часа, а мы уже час из этих двух кружили.

Командир корабля, на ломанном английском произнес что-то про Дюссельдорф и «ту-ту-зеро» – лишь потом я узнал, что это был номер моего гейта (выхода на посадку) – двести двадцатый, а на тот момент я вообще ничего не понял.

И вот я в муравейнике. – Господи! Я не ожидал что там будут тысячи людей, сотня направлений, и никто при этом не говорит на языке, к которому я привык. Оставалось всего пятнадцать минут до вылета. Я стоял посреди огромной толпы. У кого спросить – не знаю. Отчаяние от одной только мысли застрять тут между рейсами, горячей волной поднялось и захлестнуло меня с головой! Бросив рюкзак на пол я от безысходности громко возопил: кто-нибудь! Говорит кто-нибудь тут на русском?! – Люди шарахнулись от меня, как от сумасшедшего. – Я понял, что мне конец.

Времени совсем не было. Мой самолет уже должен был вырливаться на взлетную полосу, а я застрял в незнакомом мне огромном аэропорту. Взяв себя в руки и решив не поддаваться отчаянию, я лихорадочно вспоминал курс английского. Чего только не всплывает в памяти в момент отчаяния! Встряхнув память, сжав зубы и пинками загнав безысходность в дальний угол, куда-то в район копчика, я помчался в центр огромного зала. – Где-то там должна быть справочная. Ожидая увидеть там девушек, я опешил, уткнувшись в окошко с двумя бородатыми турками. – Подготовленный на ходу вопрос на английском, при виде их вылетел у меня из головы. Напрочь. Нервно сглотив, я на всякий случай поинтересовался: а справочная ли это, не смотря на то что написано было «справочная». Получив утвердительный ответ, я вывалил им вперемешку все что знал на английском, точно не помню, что говорил, но вроде там было и то, что Лондон – столица Великобритании. Один бородатый понял, что я от них хочу, и показал рукой направление, приговаривая при этом что-то про Дюссельдорф и про то, что каких только идиотов ему за день не попадается. Радостно поблагодарив его, я только тут понял, что означало «ту-ту зеро». Самое смешное, что на табло экранов этого номера гейта не было, – что и вызвало у меня панику, но у таблоидов была и обратная сторона... а я шел в направлении центра аэропорта и не видел ничего про Дюссельдорф. Но стоило мне пойти в обратном направлении, как на всех таблоидах было написано: Дюссель: 220 гейт – смотри внимательно, балбес!

Разогнавшись на бегущей дорожке, я влетел в кучку немцев у металлоискателя под вывеской 220 с ревом: «Дюссельдорф?!» – немцы, отпрянув, утвердительно закивали головами: я, я. – И тут меня отпустило. Испуганные пассажиры смотрели на меня, переговариваясь между собой – клянусь, мне послышалось даже «нихт шиссен (не стреляйте)».

Этот рейс тоже задержали из-за пробки в небе. – Мне дико везло.

После пережитого стресса я долго ворочался в кресле самолета, глядя на облака. Сплошные облака, ничего больше не было видно. Белые, в лучах ослепительного солнца они казались мне снегом, по которому мы ехали на пузе самолета. Я глядел в иллюминатор и всё думал: как люди видят среди облаков слоников, жирафов, сердечки... – у меня получалось увидеть только сотни три людей, деревянные постройки без окон и два десятка оседланных дорнов.

Больше ничего подозрительного замечено не было, стараясь вести коптер со стороны солнца, я плечом толкнул ногу Бо, сидящего выше в колпаке – что обычно означало: чисто, можно продолжать движение. Понимали мы друг друга на уровне инстинктов, что выработалось четырьмя годами совместных тренировок и военных операций. Хотя у нас и была мобильная связь – мы с ним ею почти не пользовались. Скользнув вниз, он пересел за руль. – Наш броневичок бесшумно пополз в направлении обнаруженной нами цели.

Воздушный разведчик завис в полулиге над объектом, чуть в сторону солнца, – чтобы смотрящему на коптер солнце не давало его разглядеть. – Однако никто из туземцев даже и не думал смотреть вверх, но привычка есть привычка. На первый взгляд просто селение, но наметанный глаз автоматически отмечал в мозгу: до трех сотен людей, вооружены холодным оружием, нет женщин и детей, частокол свежесрубленный, есть верховые животные, постройки не капитальные – это военный лагерь, скорее всего разведывательно-диверсионный отряд.

– Бо! Это наши коллеги. Нам повезло, можем обращаться с ними без церемоний и угрызений совести.

Второй номер встрепенулся как боевой дорн перед битвой, движения Бо стали плавными и быстрыми, он перешел в привычный ему боевой режим. Как и я. Что-то в мозгу как-бы переключалось, не щелчок конечно, просто раз – и слышу лучше, и вижу четче, и углы перестал задевать.

– Предлагаю перекусить перед контактом, когда еще придется – никому не известно. Бо утвердительно кивнул.

Конечно же консервы. В молчании мы принялись жевать, глядя друг на друга и улыбаясь – ну не по нам мирная жизнь, опять это приподнятое настроение, аппетит зверский, снова в строю. Через пять минут наш краулер вновь бесшумно продвигался вперед.

В лиге от цели оба спешили. Так как мы не ожидали контакта с аборигенами при подготовке экспедиции, ничего серьезнее ножей и пистолетов у нас из переносного ручного оружия с собой не было. Пулемет был для борьбы с крупными агрессивными тварями. А эти твари были мельче, хотя и хитрее. Всегда предполагай худшее, – это закон разведки. Как скрываться на местности нас учить было не надо. Мы просто растворились в растительности – что значит многолетняя практика. Ни один взгляд нас не мог обнаружить! – Поэтому мы остолбенели, когда сбоку выросли три аборигена, с явным намерением снести Бо башку дубиной с шипами, огромным длинным ножом и еще какой-то кривой острой штуковиной на деревянном древке. Остолбенели мы всего на миг. Но потом все произошло быстро и само собой: тычок в горло первому, подсечка, кувырок и удар ребром ладони ниже затылка второму, и пинок в пах третьему, почти одновременно зажав ему рот. – Они осели как мешки с соломой. Как пленять захваченных пленных мы знали не понаслышке, – пук травы и листьев в рот, их же не то поясами, не то подтяжками, самих же и затащили, оттащили под деревья, дальше траву заменили носками. Перепеленали покрепче. Двое пришли в себя, третьему я перестарался – почти перебил кадык, – он вообще не подавал признаков жизни. Но вот и у него затрепетали веки, мы облегченно вздохнули – не хватало еще в настоящий конфликт с жертвами вступить с местными. Нам нужно было только навести таким образом общение. А когда на тебя молча замахиваются дубиной – то перед началом мирных переговоров желательно оппонента расположить к себе, чтобы не размахивал. Их скоро хватятся, а по правилам разведки – взял языка, сматывай удочки. Галопом. Что мы и сделали – связав их паровозиком погнали в сторону краулера, иногда подпिनывая – придавая таким образом нужное нам ускорение. Запихнув троих пленных в краулер, мы стали осторожно возвращаться. Сказать, что пленные были в шоке от увиденного – ничего не сказать. – Они были в ужасе. Держались они хорошо, но выдавали глаза: ужас и страх невозможно было скрыть. Никаких попыток вырваться – обреченные и парализованные страхом, они лежали и полусидели на полу, в то время как их трясло на кочках.

Бо знал, как заметать следы. Он направил транспорт к воде, затем съехал в нее и понесся на максимально возможной скорости вдоль берега к противоположной стороне озера, – я нашел сверху коптером ручей, впадающий в него и мы, проехав по дну ручья еще примерно поллиги, только затем выехали из воды и направились к лагерю. Все это время мы не произнесли ни слова. Незаметных остальным жестов и отработанных навыков работы в паре, хватало для общения нам с Бо с лихвой. Пленники, глядя на это еще больше вжимались в пол, в их глазах читался неподдельный ужас.

Наконец тряска прекратилась, и пленники с облегчением выскочили наружу.

Привязав их к дереву, мы приступили к установлению контакта.

Методика была проста: сначала жесты. Пленные оживились. Выяснилось, что главный среди них был тот которого мы чуть не отправили к праотцам, в места богатые дичью. В колониальной разведке применялся портативный мнемобучатель, его упрощенная модель была вмонтирована в часы разведчика, которые носил Бо, мои были сданы в ремонт и благополучно там забыты, – мы так быстро собрались, что я вспомнил о них только сейчас. Принцип работы прост: два тонких провода и две иглы. Одна вводится мне под кожу у уха, другая оппоненту. Оба говорим. Я задаю вопросы и помогаю жестами, он отвечает, как может, а аппарат уже сам распознает кто и о чем говорит, выстраивает логические цепочки и пишет эту информацию прямо мне на подкорку головного мозга. Побочный эффект – дикая головная боль в конце сеанса. Больше двух часов подряд вынести невозможно. Поэтому по полтора часа с перерывами по очереди с Бо.

– Камень. Беру в руку камень. Показываю тому, кто выглядел помоложе и пошустрее. Ка-мень. Тот понял, с ужасом косясь на провод у себя под ухом, проговорил на своем языке: камень. Аппарат тихо пискнул. Немного закружилась голова. Записалось. Я понимаю то что он произнес – процесс пошел.

Бо тем временем занялся приготовлением еды. Камера и датчики предупредят нас если кто-то приблизится к охраняемому периметру – тут мы спокойны. По обоюдному согласию сначала мы решили, что консервы гостям – слишком жирно, но затем все же поделились.

Голова раскалывалась. Я сидел в раскладном кресле, если можно было так назвать командирский армейский складной стул, обнаруженный нами в краулере под сиденьем водителя. Раскрытая аптечка лежала передо мной, и я намеревался пырнуть себя инъекцией обезболивающего. В это время Бо с иглой за ухом показывал парню опять тот же камень... – Схема обучения была отработана давно и нас этому обучали еще на начальных этапах подготовки. День клонился к закату.

Бо есть отказался. Его тошнило даже после инъекции обезболивающего – он переносил мнемобучатель хуже. На сегодня решили прерваться. Кронги – так они называли себя, уплетали консервы за обе щеки. Они уже поняли, что убивать и жарить мы их не собираемся, а также то что мы умеем говорить, и что зла им пока не желаем – потому повеселели. За исключением их главного, который еле-еле глотал из-за разбитого кадыка и постоянно поэтому покашливал. Ему тоже пришлось вколоть обезболивающее автоматической аптечкой, на что он смотрел такими глазами, что и так понятно было – на тот момент пленник явно прощался с жизнью. Однако ощутив, что ему от этого только полегчало, уже через пол часа пытался улыбаться. Выученного хватило на то чтобы объяснить пленным что вреда мы им не причиним и договориться с ними о том, что и они будут вести себя мирно. Ремни мы им вернули, однако пистолеты были всегда под рукой, хотя, как мы поняли, о рукопашном бое они все равно имели самое слабое представление. Объяснив им что нам нужно еще дня два побыть здесь и пообещав, что сами вернем их обратно, мы взяли с главного обещание – ни один его воин не покинет лагерь до того момента, продемонстрировав между делом как работает система сигнализации периметра. – Включившийся свет прожектора, и сирена краулера повергла их в благоговейный трепет – теперь мы были уверены, что после демонстрации их

даже насильно выгнать за периметр не получится. Спать мы легли внутри краулера, трое кронгов залегли на срубленных ветках в расщелине, укрывшись брезентом. Глаза слипались, мы очень устали, – завтра тоже трудный день, подумал я и провалился в воздушную яму.

Тётка рядом вцепилась в мой подлокотник – яма явно перепугала ее. У меня в таких случаях наоборот приступ какой-то эйфории – как на качелях. Не знаю, мне наоборот нравится, я даже на машине, когда вижу, что дорога после горки резко уходит вниз, стараюсь разогнаться перед спуском, чтобы машина слегка подпрыгнула и зависла в воздухе – это же здорово! А в самолете такие ямы попадают, что и до оргазма недалеко. – Шикарно, просто непередаваемые ощущения. – Тряхнуло просто здорово! Загорелись надписи «пристегните ремни», стюардесса сексуальным, томным голосом, с придыхом произнесла на английском: «дамы и господа, мы попали в зону небольшой турбулентности, просим вас пристегнуть ремни» – Я понимал стюардессу! А возможно, что это последствия перенесенного стресса в стамбульском аэропорту. – Там я и правда вспомнил все что знал и не знал.

Внизу, в разрывах облаков показалась наконец земля. Горы. В этом самолете в салоне были экраны – они показывали маршрут и где мы на данный момент летим. А летели мы над Балканами, если мне не изменяет память – географию я в свое время любил. Европа очень мала – уже через полчаса мы стали понемногу снижаться. Пробив верхний слой перистых облаков, мы очутились над кучевыми облаками – они были темнее и плотнее. Вид из окна был просто фантастический: сверху мерцающее белое покрывало, снизу мерцающее белое покрывало и одинокий самолет между ними. Встречный. Сбоку показался еще один. Потом еще два – да тут их кишмя-кишит, если приглядеться! Стало понятно – под нами Германия. Тот же приятный голос стюардессы объявил, что мы начинаем снижение и скоро произведем посадку в аэропорту Дюссельдорфа. Самолет вошел в облака. Не видно ничего. – Иллюминатор – серый прямоугольник плотного тумана. Через минуту мы вынырнули из облаков, и я обомлел – внизу были правильные ярко-желтые и изумрудно-зеленые прямоугольники. – Поля! Вся Германия – сплошные поля и леса. Это сразу бросается в глаза – прямоугольники ровнее, ярче насыщенный зеленый, и эти желтые поля – что это интересно? С нетерпением я ждал посадки.

Что-то наши там накрутили с визой. Пограничник немец тыкал моим паспортом в какой-то прибор, смотрел на меня и вновь тыкал. Потом он спросил меня говорю ли я на немецком, на что я ответил одним из трех слов которые знал: найн.

– Ду ю спик инглиш? – Найн.

– Шприх ду русиш? – Я, я! Обрадованно воскликнул я, радуясь возможности продемонстрировать знание второго из трех слов на немецком. – Слава богу третье слово – «капут», использовать не пришлось. Тут он встал, вышел из кабинки, ушел за угол и возвратился с еще одним пограничником. Тот на чистейшем русском, с московским акцентом, растягивая гласные спросил: к родственникам? Что везете? Как долетели? Получив ответы, они отдали мой аусвайс и пожелали всего хорошего.

Дочь чуть не задушила. Зять, как всегда спокойный и уверенный в себе красивый мужчина, улыбался, стоя чуть позади. – Наконец-то я добрался.

Сказать, что эта Европа просто обалденная – не сказать ничего. Это другой мир! Вообще другая планета.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ГЕРМАНИЯ – ОНА ТАКАЯ ГЕРМАНИЯ!

Хмурое немецкое небо смотрело сверху на меня. Ему я радовался как ребенок – ненавижу жару, а тут самая любимая мною погода – облака. Разница в часовых поясах дала мне пинка в пять утра. Не сразу поняв в чем же дело, я минут пять ворочался прежде чем понял, что уже выпался. Там откуда я прилетел уже девять! Подскочив как ужаленный, я понесся исследовать новый мир.

Вчера у меня был день потрясений и удивлений. После ужасов перелета на меня обрушились ровные немецкие дороги, зеленые насаждения на каждом свободном сантиметре, прохладный чистый воздух и щебетание моей дочери. По прибытии к ним домой, мне выделили целый этаж и прибили все это сверху ящиком пива как минимум десяти разных сортов названия которых я не видел даже во снах.

Утро было волшебное. Прохлада была везде. Столько зелени я не видел нигде прежде. Запасись сигаретами, я решил исследовать соседний парк. Надо честно сказать, что я не ожидал того что там увижу...

Парк находился через дорогу. Дикий на вид и заросший – он казался от этого самым настоящим парком, не кастрированным вариантом парков в городах, к которым я привык – пара десятков деревьев, асфальт и качельки. Этот парк был Парком. Огромные, старые, мшистые деревья обступали меня со всех сторон. Справа от тропинки покрытой крупным песком я увидел огромный гриб. Первое желание – сорвать его поскорее, сменилось сомнениями – а зачем? Никто не рвал до меня, а мне что с ним делать? Тишина нарушаемая только пением сотен птиц оглушала. Оглянувшись я обомлел – кругом была зеленая листва, очень много листвы, такой красоты я не видел нигде, разве что в фильмах. Красота была дикой и в то же время ухоженной. Присев, я сфотографировал гриб. Потом еще раз, приложив для передачи масштаба гриба пачку сигарет. Птицы просто изощрались в своем пении. Я шел, задрал голову и ощущение нереальности происходящего не покидало меня. Отомри! – Приказала мне пачка сигарет, – и я послушно закурил. Из-за поворота показалась пожилая пара. Поравнявшись, оба вежливо улыбнулись – морген! Кивнув в ответ головой, я ответил: морген. После вчерашнего стресса в аэропорту, у меня в голове всплыло все иностранное что я когда-либо слышал и видел. Гутен морген – если мне не изменяют память и способность анализировать происходящее, на данный момент означало «доброе утро» – вероятность 99%. – Утро, Германия, оба улыбаются.

Дальше пошло легче. Старушка с собачкой. – Морген. Девушка на велосипеде. – Морген. Женщина с собачкой и сигаретой. – Фойе!

Улыбка сползла у меня с лица. – Какой еще фойе? А морген где? В мозгу загорелась красная аварийная лампочка. – Караул, спасите!

И тут память услужливо подкинула мне кадр из фильма, где командир немецкого противотанкового орудия взмахнув рукой кричит «фойе!» – и пушка производит выстрел. Женщина явно просила огня – подсказала мне интуиция. Спohватившись, я быстренько щелкнул зажигалкой. Женщина произнесла «данке» и потащила за собой собачку, которая так и не успела пописать мне на ногу. Довольный, я продолжил прогулку. Какое-то шевеление справа за кустами привлекло мое внимание. Выйдя туда я увидел живописный канал, весь в цветах, обрамленный кустарником с вьющимся по веткам плющом. – Как в сказках. Весь покрытый зеленью, абсолютно весь – вернее берега, и небольшой водопадик. Но в шок меня привело не это. – Два ослепительно красивых белых лебедя плавали в десяти метрах от меня.

Снисходительно меня оглядев, они как ни в чем не бывало продолжили свои утренние процедуры. Ощущение нереальности усилилось. Опустившись на траву я несколько минут зачарованно смотрел и смотрел на этих сказочных по своей красоте птиц.

Из транса вывела собачка на поводке. Девочка. – Морген. – Все собачки и люди в Германии знают меня. – Люди здороваются. Собачки облизывают.

Очнувшись, я поспешил продолжить свое волшебное путешествие.

Ковер из маргариток по которому я шел поверг меня в восторг! – Это просто волшебно! Они везде. Они повсюду... Я словно в раю, если он есть, то он должен быть именно таким.

Мимо важно прошагали какие-то огромные дикие голуби, собачка, даже не посмотрев в их сторону, побежала дальше. Голуби слегка покосились на нее и пошли по своим делам, оставив меня в удивлении – собака должна была на них броситься, хотя бы из хулиганских побуждений, из-за охотничьего инстинкта, а голуби в свою очередь не должны были подпускать ее на расстояние вытянутой руки. Хотя бы из соображений инстинкта безопасности. Я в раю. – Тут никто никого не ест.

Через пару минут из-за деревьев показалось озеро. Русалки! – Сейчас должны показаться русалки! Покрытый мхом, старый деревянный мостик перевел меня через вытекающую из озера протоку, и я оказался на площадке где расхаживали дикие канадские гуси, утки с утятами и даже цапля. Нереальность происходящего ударила меня под колени, услужливо подставив древнюю, тоже покрытую мхом по краям скамейку. Еще одна пара лебедей лежала на берегу в двух шагах от меня. Один дремал, второй, вытянув лапку что-то там выискивал у себя на спине.

Нирвана. – Так вот ты какая. Сидя в прохладе у озера, я впервые в жизни получал настолько потрясающее удовольствие. Прикрыв в умиротворении глаза, я полностью расслабился...

ГЛАВА ПЯТАЯ. СОЮЗНИКИ

Глядя как эти трое уплетали еду, я тоже захотел. Бо ковырялся с плитой, а мы увлеченно ели и непринужденно болтали, два дня головной боли прошли, и мы с местными уже перестали настороженно относиться друг к другу. Наши бывшие пленники увлеченно расспрашивали меня «а это что?», «а это как так получается, что там что-то урчит?». Я в свою очередь бомбардировал их вопросами об их мире и особенно об устройстве их быта и порядков. В итоге картина сложилась практически полностью.

Если коротко, то: мы попали в общество с феодальным строем, вооружение – копья, короткие мечи, дротики и дубинки, их вождь по имени Скъярд – достойный и мудрый правитель, кстати, сыну которого – Скьелу, я заехал по кадыку. Конфликтуют в этом мире все со всеми, но Скъярд старается поддерживать и проповедует мирные условия сосуществования, однако не всем соседям это нравится. И вот одни из дальних западных соседей, подмяв под себя ближних соседей, добрались наконец до рубежей кронгов. Крупный разведотряд кронгов был выслан в направлении предполагаемого места вторжения враждебного племени зиггов. Достигнув пограничной зоны, отряд разбил лагерь и выслал в разные стороны разведгруппы. На него мы и наткнулись, лишив его предводителя, который только что вышел на охоту и практически сразу получил от меня тычок в горло. Воины начинали беспокоиться – третьи сутки от них не было вестей, – в лагере наверняка уже еще вчера забили тревогу.

Надо было возвращаться. Позавтракав, мы выступили. Все еще с изумлением разглядывая внутренности нашего краулера Скьел и два его друга, вполголоса обсуждали назначение того или иного предмета. Особенно их восхищал бронеколпак.

Поскольку по воде было безопаснее и быстрее – мы решили срезать по ней напрямую. Воины старались держаться как подобает воинам – но не смогли удержаться от восхищенных взглядов и тихих восклицаний, когда мы с ходу врезались в набегающие волны, подняв тучу брызг. Хотя с нами и были хозяева этих мест, учитывая военное положение и наши привычки, над нами висел коптер. Направив его в сторону лагеря кронгов, мы заметили, что силы их заметно возросли, дорнов – скаковых и вьючных стало больше, хотя людей на вид было почти столько же. Выхав из воды на малой скорости, мы уже осторожно подъезжали к частоколу, когда на нас обрушился дождь из дротиков. – Нас заметили и ждали. Я не включал на коптере тепловые датчики – иначе бы мы сразу заметили загаившихся в траве людей.

На подходе к лагерю была засада – вот почему в нем не наблюдалось скопления народа. Под градом дротиков и копий мы остановились. Вылезать было никому нельзя, пришлось ждать, когда закончатся боеприпасы – не бесконечные же у них запасы дротиков, от силы три на каждого воина. Как мы и предполагали, град заметно поредел, со всех сторон поднялись цепочкой сотни четыре воинов и с самым недружелюбным видом направились к краулеру.

– Господа! Ваш выход! – Обратился я с улыбкой к трем гостям.

Скьел кивнул и вылез в правую дверь. Снаружи послышался гул голосов. Его явно узнали. Затем мы услышали: отец! Это я! Все в порядке, опустите оружие. Раздались радостные крики и голос Скьела пригласил нас выйти.

Во главе отряда стоял сам Скъярд. Все еще сильный, мускулистый высокий старик со шрамом на правой щеке. Осанка и взгляд, вкупе с украшениями и татуировками сразу выделяли его среди остальных. Скьел подошел к нему и о чем-то быстро заговорил, указывая в нашу сторону. Лицо старика сначала радостное, потемнело, затем морщины разгладились, и он уже более дружелюбно посмотрел в нашу сторону. Расстегнув держатели на пистолетах, мы подошли к вождям, я впереди, Бо чуть позади слева – прикрывая на всякий случай пути отхода к краулеру.

– Рад приветствовать великих воинов на землях кронгов – произнес картинно и важно вождь.

Мы придерживаемся мирных переговоров и не хотим вражды, голос старика был властным и достаточно громким чтобы его услышали все его воины, давая таким образом им понять, что пришельцы приняты мирно. После чего некоторые воины постепенно стали расходиться, уходя в различных направлениях группами по три-четыре человека. – Положение военное, не мы одни здесь, дозоры ушли на свои места – понял я.

Величественным жестом Скъярд указал нам в сторону лагеря.

– Великий вождь, с вашего разрешения, я прикажу моему другу подкатить к вашему лагерю нашу повозку – обратился я к Скъярду.

– Разрешаю, произнес старый вождь.

Обезопасив таким образом себя, мы двинулись в лагерь. Воины косились на бесшумно плывущий по траве краулер и тихо переговаривались между собой, выдавая этим свое удивление. Телега наша не пролезала в узкие ворота частокола, поэтому нам с сожалением пришлось оставить краулер снаружи. Поведение кронгов не давало никакого повода беспокоиться, тем более что у нас оказались найденные позавчера вместе со складным стулом небольшие пашки – пиропатроны со взрывчатым веществом, такими пользовались специалисты по разведке ископаемых, под креслом водителя их оказалась целая коробка – двадцать четыре штуки. Четыре мы прихватили с собой. После надлома капсюльной трубки, через десять мгновений последует взрыв, который запросто может расколоть приличного вида валун в пыль.

Для начала естественно пир. Где бы ни происходило мирное урегулирование конфликтных ситуаций – всегда следовала совместная трапеза, которая показывала: мы делимся с вами едой – так как наши намерения мирные. Еда оказалась очень неплохой, за исключением того, что была почти без соли. Мясо, еще мясо, и еще какое-то мясо. Пили какую-то перебродившую коричневую жидкость, слегка ударяющую в голову. За трапезой и начался разговор.

– Сначала мы подумали, что это зиги. Но следопыты обнаружили непонятные следы, уходящие в озеро. Шаман поднял тревогу – и вот я здесь, рассказывал вождь. Затем мы решили, что вы вернетесь – мы бы тоже так сделали, поэтому организовали засаду у озера – раз вы в него и ушли. Однако наше оружие оказалось совершенно бесполезно. Затем увидев Скъела, мы успокоились. Кто вы и зачем пришли на наши земли?

Изначально мы договорились с Бо говорить, как есть, дабы не запутаться в показаниях, однако недоговаривая некоторые детали, которые им знать было не обязательно. Поэтому версия звучала так: мы из другого мира, нам нужно то что под землей, воевать мы не хотим – иначе давно бы всех перебили, – это очевидно.

Подумав, Скъярд произнес: нам не нужно то что под землей – можем поделиться, но при условии, что мы заключим союз, в том числе и военный. Мы мирное племя, но союзники не помешают – времена нынче неспокойные.

На что я конечно же ответил согласием. – Это нам и надо было. В итоге, призвав каких-то божеств в свидетели, вождь дважды произнес что-то вроде «и пусть у нас будет охрененный трехнедельный понос, если нарушим клятву». – Возможно обучение языку прошло не совсем корректно, но смысл мы поняли.

Трапеза и разговоры длились до середины ночи, после чего мы разошлись отдыхать. Нам выделили строение напротив того места где мы пировали. Из соображений безопасности это было самое лучшее место, однако мы были на виду у всего лагеря. Хотя, учитывая, что мы теперь союзники, такое внимание нас не сильно беспокоило, тем более что помимо часовых у входа, у нас у самих с собой был арсенал, способный уложить половину этого лагеря в первые пятнадцать мгновений. Растянувшись на шкурах и обработав себя универсальным противопарзитным спреем на всякий случай – так мы были обучены и привыкли делать всегда в незна-

комой обстановке, мы захрапели, предварительно установив в помещении у входа датчик движения.

Утром мы услышали вежливое покашливание, и кто-то спросил: могу ли я войти?

Отключив датчик и сев на шкурах, мы с Бо встретились глазами – после чего я произнес: входи!

Вошел Скьел с кувшином и улыбаясь произнес: вода для омовения. Затем вождь просит вас присутствовать на военном совете.

Ополоснувшись, мы подошли ко вчерашнему помещению, в котором временно жил Скьярд. Мясо, мясо другое, и еще раз мясо. Все повторилось, только людей было намного меньше и один между делом докладывал: в пяти лигах стоит лагерем крупный отряд противника. Разведке удалось насчитать около трех тысяч воинов, судя по приготовлениям, выступят они сегодня – их дорны не были отпущены пастись.

Скьярд помрачнел. – Нас около восьми сотен. Отступить организованно мы успеем, но, если они догонят – в открытом бою шансов практически нет. Поэтому мы остаемся в лагере – объявил он.

Приняв решение все продолжали есть, ничем не выдавая свое волнение перед предстоящим днем. А день обещал быть очень насыщенным.

Встретившись взглядами с Бо и этим все решив между собой, я обратился к вождю: мы можем вам помочь избежать столкновения, если разрешите.

Сидящие переглянулись.

Скьярд, обернувшись ко мне вопросительно посмотрел и наконец произнес: я ждал что вы предложите помощь, однако нам хотелось бы подробнее узнать, как это мы вообще можем избежать столкновения, если их разведчики наверняка уже выяснили сколько нас и учитывая то, что они пришли нас завоевывать?

– Для начала можем не рисковать разведчиками, – мы увидим все сверху, а потом предоставьте все нам. Вы только объявите им дословно что: «кронги войны не хотят, но и не боятся ее. Во избежание больших потерь, предлагаю следующее: выставить по бойцу от каждой из сторон, если наш лучший воин победит вашего лучшего воина – вы уйдете, если проиграет наш, мы признаем ваше превосходство и отдадим вам все что пожелаете». В помещении поднялся небольшой гул. Спустя некоторое время Скьярд спросил: а если мой сын проиграет – мы и вправду сдадимся? Это невозможно! Вы не знаете этих зигов – им нельзя доверять.

Вашим воином будет мой друг Бо. – Можете не сомневаться в его боевых навыках, мы гарантируем что победа не составит особого труда – это он уложил ваших двух воинов за одно мгновение, – спросите у Скьела! Все взоры повернулись к сыну вождя – Скьел усмехнувшись произнес: это правда, они владеют искусством ближнего боя, о котором мы не знаем совсем ничего. Отец, отправляя Бо мы практически ничем не рискуем!

Вождь слегка задумался, – позовите к центральной площадке могучего Сиггу. Обратившись к мне, он произнес: я хочу знать наверняка.

Сигга был просто зверского вида воин. Весь в шрамах, уже давно не юноша, он внушал трепет молодым и вызывал уважение у старших воинов. Гул одобрения пробежал над площадкой, посмотреть на это пришли все свободные от караула.

Бо спокойно стоял с одним боевым ножом. Сигга был вооружен копьем, мечом и дубиной.

Скьярд произнес: я прошу заранее прощения у вас, оружие боевое, потому что на кону судьба всего племени. Убивать конечно нельзя, но, если вдруг случится непоправимое – мы не будем держать зла на вас, но и вы на нас тоже. – Я посоветовал бы Бо вооружиться серьезнее.

На что Бо произнес: не беспокойся, вождь. Я и нож-то для приличия взял. Поскольку убивать я не собираюсь, то и он мне вообще-то не нужен. – Все кронги переглянулись. Удивленный ропот волнами пролетел над воинами. Больше их удивило то, что Бо заговорил, – все это время он не произнес ни слова, и только трое бывших пленников слышали его голос и видели на что

способен Бо как боец, поэтому они стояли с важным видом, многозначительно перекидываясь улыбками. – Уж они-то знали, чем все закончится и уже предвкушали маленькую месть за то, что за их спиной воины посмеивались над ними за их плен.

Двое соревнующихся вышли на середину. Вождь коротко воскликнул: ги хам! – Что означало «дай ему по роже», если верить мнемообучателю. Сигга сделал резкий выпад копьем, отчего оно сломалось пополам, а его тупой конец врезал ему между лопаток, находясь в руке Бо. Сигга глотал ртом воздух, а Бо произнес, делая полукруг справа от противника, – в бою это был бы не тупой конец. Придя в себя, кронг поднял палицу двумя руками над головой, как это было принято у воинов с дубинками и уже осторожнее пошел по кругу вокруг своего противника. Тут Бо молниеносно просел под Сиггу и пока тот опускал дубину, ударил в падении ногой в колено, проскользнув далее за его спину, от удара в колено воин охнул и упал, Бо уже был сверху и держал руками его голову. – В бою его шея уже была бы сломана – произнес я, пока Бо вставал. Вокруг стояла мертвая тишина, воины забыли, как дышать, не слышалось больше ни возгласов одобрения, ни криков разочарования, все обратились в один большой глаз.

Прихрамывая, обескураженный Сигга взял в правую руку меч. Сделав обманное движение, он повел меч полукругом целясь в центр тела Бо. Но тот уже перекатывался под мечом и выпрямляясь ткнул мгновенно затвердевшей ладонью Сигге в кадык. – Тот молча упал как подрубленный. Скъел удовлетворенно улыбаясь потер свое горло – теперь все видели, что от такого удара даже могучий Сигга осел как мешок с навозом дорнов. Я произнес: теперь ваш воин дня два не сможет нормально глотать, но в настоящем бою этот удар смертелен.

Тишину нарушил вождь. – Наш лучший воин сражался достойно, – он победитель трех сезонов состязаний подряд. Мне нужно было остановить бой еще после дубин, эта неизвестная манера боя не оставляет нам ни единого шанса в единоборстве. Я решил: тому быть. Попробуем таким способом избежать резни. Одобрительный гул воинов был ему ответом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ БО И ВОЛШЕБНАЯ ПОВОЗКА

Коптер висел над редким лесом. Я прекрасно видел крадущиеся за деревьями фигуры. Скрывались они очень искусно, надо сказать. Однако, как они могли учесть, что за ними наблюдают сверху?

– Вождь, они уже на опушке, на расстоянии броска копья – сказал я Скьярду, хотя тот и сам все прекрасно видел, уставившись в экран.

– Можете начинать.

Он вышел, и тут же разнесся боевой клич кронгов – «порвем вам лица на куски!», вызвав замешательство в рядах атакующих. – Надо будет еще посидеть с мнимообучателем, он явно записал на подкорку язык кронгов с ошибками! Вождь поднялся на частокол и громко произнес: мы знаем, что вы здесь. Зурр, выходи, – поговорим.

Непродолжительная тишина прервалась немного хриплым голосом:

– Чего ты хочешь Скьярд? Сдаться? Нас намного больше, мои разведчики все мне донесли. Вы не доживете до вечера!

– Великий и мудрый вождь Зурр! Но и не все твои воины доживут. Великому вождю нужны воины, не так ли?

– Так что же ты предложишь? Откупиться? – Я и так все возьму!

– Я предлагаю тебе все имущество нашего племени как добычу, без большого сражения, но только если твой лучший воин победит моего. А если боги захотят, чтобы победил мой – ты уйдешь отсюда навсегда. Ты же не станешь гневить их?

В наступившей паузе слышно было даже шум ветра в кронах деревьев. Наконец хриплый голос прокричал: моих воинов будет трое – так как нас в три раза больше, в бою соотношение было бы таким же, я думаю это справедливо!

Возмущенный Скьярд хотел что-то ответить, но я и Бо удержали его – пусть! Пусть так и будет! Поверь нам. – Ничего с твоими людьми не произойдет. Зиги проиграют!

Скьярд все еще сомневался, когда подошел Скьел, положив отцу руку на плечо он произнес: отец, даже если их будет пятеро – мы победим. Затем улыбнувшись нам произнес: или, я съем лепеху навоза дорнов.

– Это сняло напряжение и Скьярд задумчиво сказал: тогда я выторгую еще что-нибудь, – они же уверены в победе.

– Зурр! Тогда и я выдвину еще требование раз твоих бойцов будет в три раза больше!

– Какие же? В голосе Зурра слышался еле сдерживаемый смех.

– Ты дашь клятву что твое племя больше никогда не перейдет наших границ и отдашь дочь в жены моему сыну.

– Согласен! В ответе Зурра уже откровенно слышался смех – он явно был уверен в том, что выполнять обещания не придется.

– Отведи своих воинов и в полдень мы встретимся на поляне возле озера!

Бо плотно поел. Его переодели в местную одежду – от кожаных доспехов он отказался, мотивируя это тем что они стесняют движения, чем вызвал недоумение у некоторых воинов. – Опять лишь один боевой нож.

В полдень на поляне выстроились воины. По моему настоянию с нашей стороны было только два десятка отборных воинов налегке. – На случай внезапного отступления. Краулер, заваленный ветками, стоял как раз возле ворот со стороны озера – он так и не пролез в лагерь, я занял место за пулеметом. Хотя вождь и не знал, что это за палка торчала в колпаке, но моя

уверенность его убедила. На всякий случай все же он распорядился на эту сторону частотола направить большую часть воинов с дротиками, хотя я опасался наоборот за противоположную сторону лагеря, но так как старик уперся, я повесил над лагерем на всякий случай коптер. Скъел зачарованно смотрел на экран, хотя его и подмывало посмотреть бой, однако, как сын вождя он имел представление о долге и потому уткнулся в монитор, наблюдая за периметром – кстати, это тоже было для него интересно, так что он был вовсе не расстроен.

Со стороны противника вышли посмотреть на бой все три тысячи воинов, еще раз прикинув что это все воины и внезапного нападения не предвидится, я посадил коптер – Скъел побежал смотреть бой.

Зурр оказался среднего роста жилистым стариком с большими ушами. Татуировки на руках свидетельствовали о его воинской доблести и о том, что несмотря на его тщедушный вид – это был грозный противник. Они со Скъярдом еще раз повторили при всех условия состязания и дернули друг друга за уши в знак скрепления договора. – Наверное много договоривался, – подумал я, глядя на уши Зурра.

Вышел Бо. В одежде из кожи и замши он выглядел совсем как местный, только его лысеющую шевелюру пришлось чуток подкрасить какой-то вонючей краской, для полного сходства. Сдается мне что краска эта была изготовлена из дерьма дорнов, но Бо я этого предусмотрительно не стал говорить. Хотя, наверняка о ее происхождении он тоже стал догадываться – по мере того как ее наносили, он все больше морщился.

Со стороны противника вышли два дюжих молодых амбала и поджарый, мускулистый ветеран – судя по его шрамам и татуировкам. Они, предвкушая скорую победу, крутили дубинками над головами и подбадривали друг друга резкими криками.

Еще раз все осмотрев, представители сторон спешно удалились, оставив четырех бойцов на поляне. И вот раздалась команда: ги хам! – На этот раз я понял этот возглас не как «дай ему по роже», а что-то типа «оторви ему гениталии ржавыми клещами» – точно надо будет еще повозиться с мнемообучателем...

Через пять мгновений у одного амбала между лопаток торчала половина копья, у второго была сломана шея, а ветеран с открытым ртом и сломанной гортанью захлебывался своей кровью. Никто из противников ничего толком не понял. Наши же союзники зачарованно смотрели на результат того что мы им еще вчера показали, но в более жестком исполнении. Бо намеренно провел именно такие же атаки и теперь спокойно направлялся к краулеру.

Мертвая тишина была прервана голосом Скъярда: на следующее новолуние жду караван с невестой для моего сына!

Кто-то обнюхивал мою ногу. – Морген! Миловидная девушка слегка оттаскивала упирающегося пуделя. Морген – ответил я. Меня слегка сморило, надо было идти домой, там, наверное, гостя уже потеряли. Всего-то минут на пять вырубился, – а столько всего.

Птицы пели как в свой последний день перед смертью – просто какофония какая-то. Свежий, прохладный воздух пьянил. В канале так и плавали два лебедя, проходя через мостик, я замер – в воде виднелись спины здоровенных карпов. Точно – это были карпы, мне ли этого не знать. Как зачарованный я смотрел и смотрел. Они копались в дне, всплескивая хвостами. Здесь никто ни на кого не охотится – вспомнил я свой вывод и с еще большим удовлетворением направился домой.

Сэм – большой, упитанный, добродушный лабрадор, уткнулся в меня своим мокрым носом и избил по ногам хвостом. Он как-то сразу почувствовал во мне родственника хозяев и с первой минуты принял за своего, хотя до этого ни разу меня не видел. Этот хитрован профессионально умеет выпрашивать хозяйскую еду, хотя своей завались. Просто смотрит тебе в глаза, пускает слюну и подметает слегка пол хвостом.

Мои уже соскочили. Дочь на работу, а зять хоть и в отпуске – по привычке.

Завтрак у немцев – отдельная тема. Рано-рано утром, в соседнем супермаркете, который находился в двухстах метрах от дома, пекарня начинает продавать булочки. Черт! Чоорт! – Это не булочки – это наркотик! И с тмином. И с маком. И с тыквенными семечками. И с подсолнечными. И с еще не понять с чем – но очень вкусным. Так вот эти горячие булочки лежали в тарелочке на столе. Масло рапсовое – очень похоже на сливочное, но по мне так вкуснее. Колбаса. – Немцы мастаки по колбасам – это факт! Сыр. – Мои немцы каждые выходные гоняют за ним в соседнюю Голландию, так что сыр настоящий, голландский. И джем... – боже мой, есть голубичный! И клубничный. И с кашками единорога! – Наверное. Цвет и вкус – божественный. Из чего – так и не понял.

Травяные чай с различными запахами и вкусами, бутерброды, масло и джем – теперь это мой любимый набор продуктов для завтрака. Навсегда!

На третий день мы с зятем решили пуститься во все тяжкие, но о том, настолько они тяжкие, я даже не подозревал.

– Амстердам. Нам нужно было в Амстердам – решили мы. Это же другая страна – надо подготовиться. А еще мы возьмем с собой деда Вольдемара – сколько тут живет, ни разу в Амстердаме не был. Этот дед был самым уважаемым в семье человеком. Это зять Николай его так называл – дедом. На самом деле ему было лет шестьдесят, но выглядел он моложе. Его улыбка и смех не могли оставить равнодушным никого – лучшего попутчика нам было не сыскать. Ранним утром, захватив термос с кока-колой, в которую Николая нахреначил ровно столько же виски, запихав в живот булочек-наркотиков с подсолнечными семечками, а в рюкзак домашних сэндвичей, мы выдвинулись в точку сбора туристической компании «Компас». Нас подхватил автобус – и мы помчались навстречу новым впечатлениям!

Дорожные знаки из желто-черных через час плавно переросли в бело-голубые – что свидетельствовало о том, что мы уже в нижних землях – то бишь в Нидерландах. Леса, кругом опять были леса. Вкрапления деревень вновь сменялись ими. Гид монотонно рассказывает о том, что проволочные ограждения вдоль дороги – это для того, чтобы олени не бегали по дорогам, маленькие заборчики вдоль дороги – это чтобы ёжики тоже не бегали по дорогам... ну а подземные автомобильные тоннели через каждые 20 минут – надо же животным дорогу все-таки как-то переходить!

Николай хитро подмигивает. – Понимаю, что настал момент активации термоса. Виски глоточками стекает к утренним булочкам, кругом цветущие поля и огромные ветряные электростанции, вперемешку со старинными мельницами. Местами на полях видны были белые хлопья – при приближении превращающиеся в стаи лебедей, страна-мечта! Автобус слегка покачивался, откинувшись на сиденье я внимал гиду: и вот, после легализации легких наркотиков, Нидерландам пришлось закрыть девятнадцать тюрем за неимением постояльцев...

Сегодня мы увидим их поселение, – да проснись ты уже! Продрав глаза, я поморщился – ох и много же мы вчера на радостях выпили этой коричневой жидкости – они называли её «торо». Кронги радовались так и не начавшейся войне, мы же просто радовались тому что теперь никто нам не помешает вести разведку, даже дорны радовались тому что их распрягли и выгнали на луг к воде перед последним переходом. Второй день, не спеша, мы идем на восход солнца. Вождь настолько уверовал в наши технологии, что не стал высылать дозорных как обычно, положившись на круживший над нами коптер.

Крик возник неожиданно. Резкий, короткий, в нем слышалась такая беспросветная и дикая боль, что некоторые дорны шарахнулись в стороны. Ехавшие рядом с краулером всадники в панике чуть не попали под гусеницы. Мы остановились, я перевел коптер на обзор участка леса позади нашей растянувшейся колонны. То, что я увидел заставило меня произвольно дернуться. – Одного всадника за другим настигали какие-то огромные существа разме-

ром с краулер, но существенно выше, очень подвижные для таких размеров, и охотились они стаей, в которой я навскидку насчитал около пятнадцати особей. Поднялась тревога, кронги опомнились и бросились строиться в ошестинившиеся копиями прямоугольники, в центр которых стогнали бившихся в испуге дорнов. Скьярд и сын пытались выстроить прямоугольники таким образом, чтобы они были ближе друг к другу, на углах располагались самые крепкие воины. Все уперли древки копий в землю, остриями наружу под углом. Бронзовые и медные наконечники были направлены в сторону угрозы. Существа бежали разрозненной цепочкой, как сетью загоняя добычу, выхватывая оставших и швыряя в стороны их разорванные тела. Ужас охватил воинов, сплотившись, они пытались выжить зная, что смогут сделать это лишь вместе. В их голосах слышалась безысходность и понимание того что выживут не все.

– Начинать косить тех, кто прорвался справа, бормотал я, – эти ближе всех к Скьярду. Но Бо и так уже развернул ствол в ту сторону.

В хищников полетели дротики, большая часть отскочила от их кожи с роговыми пластинами, часть все же достигла цели, но особого вреда не причинила. Цельтесь в глаза! В глаза! – Кричали опытные воины. Но попасть в молниеносно движущихся тварей было практически невозможно, оставалась единственная надежда – проткнуть их шкуры копиями при прямом столкновении. Передняя шеренга, в самом центре которой стоял Скьел, приготовилась принять на себя первый удар.

Куски плоти полетели в разные стороны забрызгивая все вокруг кровью. Разрывные снаряды имели колоссальный останавливающий эффект, – твари как будто натыкались на стену. Чтобы получить еще и отпугивающий эффект, в последний момент нам пришлось отсоединить дульный глушитель, что заняло немного больше времени чем я рассчитывал – он никогда до этого момента не снимался – и потому Бо несколько замешкался. Когда мы заняли места в боевом расчете, твари уже практически вклинились в ряды обороняющихся.

Гром и пламя – это то чего боялись в этом мире все. Гром и пламя – это молнии в грозу, это лесной пожар, поглощающий с ревом в своем чреве все живое, это и раскаленные камни с неба во время извержения вулканов. Твари остановились, обернувшись в нашу сторону. Воины побросали копья и ничком повалились на траву – теперь их ничто не могло спасти. – Это конец.

– Нет, это было только начало! Мясорубка в руках Бо не останавливалась ни на миг – то что воины, побросав оружие плюхнулись на животы, только помогло нам – теперь мы не боялись в суматохе зацепить своих. Ошметки летели фонтанами, хрипение подыхающих, утробный вой раненых, грохот пулемета, крики обезумевших от страха дорнов... – впоследствии мы называли между собой эту битву «утро мокрых штанов».

– Твари не знали себе равных и не знали, что такое убегать, кронги не знали вообще, что делать – многие просто лежали и ждали смерти. Одни мы с Бо всаживали уже второй контейнер со снарядами.

Все стихло мгновенно. Как только затих пулемет – заткнулись как по команде и дорны, видимо достигнув апогея страха. – Все как один они были заняты опорожнением своих кишечника. Как только заткнулись дорны – люди, перестав завывать, мочиться и молиться, стали осторожно поднимать головы. Слышно было лишь как скребутся о землю в конвульсиях когти лап некоторых разорванных в клочья тварей. Затем наступила звенящая в своей пронзительности тишина.

Нарушил священную тишину Бо, выметая гильзы из краулера и грохнув о землю опустошенными контейнерами. Посмотрев по сторонам, он перевел вопросительный взгляд на меня. – Все глаза смотрели на нас.

Чтобы разрядить обстановку я, кашлянув, произнес: ну что, смертные, богов не признали?

Зря я так пошутил. Ох зря. – Я потом объяснял Скъярду что это я так неудачно пошутил, но по моим наблюдениям, он для себя всё решил по поводу богов. Все остальные тоже. Отныне нас боялись и благоговейно покрывались мурашками, стоило одному из нас к кому-либо из них обратиться.

Погребальные костры еще дымились, когда мы выступили в путь. Наш краулер теперь замыкал колонну, развернув башню назад. Коптер висел над концом колонны, вперед были посланы дозорные. Потери составили половину сотни, – не вмешайся в это дело пулемет, твари уничтожили бы почти всех. С соседним племенем так и произошло – при перекочевке на них напали такие же ящеры, точное количество их неизвестно, но выжившие рассказывали о трех-четырех десятках тварей. Они не охотились, они уничтожали. Такое у животных прежде не наблюдалось. – Те же дикие мечезубы – крупные местные хищники, убивали ровно столько чтобы прокормиться. Эти же пришельцы уничтожали все что попадалось на пути. Появились они с востока несколько месяцев назад, – восточные соседи кронгов утверждали, что впервые увидели этих гигантов вскоре после очень сильного землетрясения и извержения вулкана, который поднял тучи пепла очень далеко на востоке за известными кронгам землями. С тех пор все чаще приходили вести о том, что племена, жившие в той стороне, попросту исчезали. Целыми стойбищами. – Все это рассказывал нам вождь, которого мы пригласили прокатиться с нами в краулере. Бо заметил, что Скъярду тяжело все время сидеть в седле в силу своего возраста, а возможно из-за каких-либо старых травм или ран. Старый вождь с удовольствием принял наше предложение. – В глазах соплеменников это вызывало еще большее укрепление авторитета вождя, самому же Скъярду было интересно побывать внутри смертоносной машины, да и поясица на самом деле разламывалась от боли.

Кронги называли ящеров «варангами» – что означало «пожирающие живьем». До этой встречи, с ними встречались лишь единичные охотничьи отряды – да и те наблюдали издали. Несколько отрядов не вернулось. Всё списывали на зигов, но скорее всего это были встречи с варангами – теперь это все больше находило подтверждение. Скъярд рассуждал, сидя на раскладной кровати Бо: боевое построение в которое мы построились, всегда применялось нами при нападении всадников противника, когда сами мы в пешем порядке, но против варангов, как выяснилось, оно не подходит, – нас просто бы растоптали и разорвали на куски! – Если бы не ваша помощь, нам было не миновать смерти. Сами боги направили вас к нам – вождь посмотрел мне в глаза, – мне показалось что он ищет во мне что-то, что дало бы ему ответ на его догадки и сомнения.

Против них вам нужна другая тактика, – согласился я. И другое оружие, – согласился вождь.

По прибытии в стойбище, нужно будет подробнее ознакомиться с той тушей, что тащилась сейчас на волокуше из стволов деревьев за краулером.

Вечером мы добрались до стойбища. Назвать это стойбищем можно было с трудом. – Это было целое городище. Высокие деревянные стены окружали прямоугольником сотни деревянных построек и шатров из шкур. Часовые предупредили о нашем прибытии. Люди высыпали на центр городища, приветствуя воинов и вождя. Увидев краулер и то, что мы волокли за собой, люди пришли в крайнюю степень изумления. Гул голосов многократно усилился, из построек и шатров высыпали даже старики и дети. Прибывшие остановились. Вождь поднялся на возвышение в центре и поднял обе руки. Шум сразу стих – все горели желанием поскорее услышать вождя.

– Во имя наших богов, во имя наших предков, я начинаю!

– Как вы все знаете, мой сын был захвачен зигами, – он указал на Скъела. Я выехал с воинами в тот же миг, как только узнал об этом. Но захватили его вовсе не они. – Народ заволновался, слышались возгласы удивления.

Захватили его вот они! – Тут народ увидел нас с Бо, все внимание было сосредоточено на вожде, и никто не заметил, как мы выбрались из краулера. Окружающие нас люди расступились в испуге.

Не бойтесь! Не бойтесь, продолжал Скъярд, – это наши друзья! По мере того как он говорил, люди замерев, старались уловить каждое его слово – такого они не слышали еще никогда. Возгласы удивления перемешались с криками радости, когда Скъярд упомянул о победе и скором появлении дочери вождя зигов. Ужас на лицах при одном упоминании о нападении ящеров отразился даже у воинов, которые заново переживали события дня. Все посмотрели на краулер.

– И вот эта повозка, изрыгая гром и пламя убила их всех! – продолжал вождь. Нужно предпринять все необходимые меры! Варанги напали в половине дня пути отсюда! Поднялся шум, страх отразился на лицах. Скъярд вновь поднял руки. – Мы предпримем все меры! Успокойтесь! Паника в толпе разрасталась. – Я скользнул в краулер. Гром среди ясного неба заставил осечься на полуслове всех без исключения. От неожиданности многие присели. Скъярд, который сам попросил меня об этом и подал мне знак, вторично подняв руки успокаивая народ, продолжил: я сказал вам успокоиться! – рявкнул он в толпу. Наши друзья на моих глазах разорвали почти два десятка варангов на куски точно таким же громом и молниями! Нет причины для страха! Толпа, которая ранее была удивлена, разглядывая ужасные раны на трупке варанга, начинала понимать откуда они взялись. А теперь, продолжал вождь, мы будем праздновать победу, как и намеревались. – Открывайте сосуды с торо!

Пир продолжился далеко за полночь, ближе к утру мы с Бо едва коснувшись головами постели, заснули мертвецким сном.

Николай, улыбаясь, водил крышкой-кружкой от термоса с виски и колой у меня под носом. Я окончательно пришел в себя от запаха напитка и оглянулся – мы въезжали в какой-то город. Амстердам – произнес он. Я глотнул прохладный напиток и блаженно потянулся – боже мой, всё просто восхитительно!

– И последнее! Гид Лена грозно посмотрела почему-то на меня. – В Германии марихуана запрещена – поэтому обратно с собой ее ни в коем случае не берите! И накуриваться тоже не рекомендую – некоторых от этого укачивает на обратном пути.

А теперь те, кто сдал на экскурсию и, кто не сдал тоже, слушайте меня: сбор у вот этого отеля «Виктория» ровно через восемь часов! Те, кто сдал – за мной, те кто самостоятельно путешествует – здесь ровно в шесть вечера без опозданий!

Так начался мой самый незабываемый день в жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ГОРОД АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЫ

Николя, дед Вольдемар, и я послушно тащились за Леной. Небольшого роста миловидная блондинка лет эдак пятидесяти пяти, знала об Амстердаме практически всё. Три креста на флаге города означали «от наводнения, от пожара и от чумы» – рассказывала Лена, мы послушно шли за оранжевым флажком, который она гордо несла над головой. – Ввиду ее небольшого роста это было очень кстати. – Отличный ориентир! Толпы туристов сновали туда и сюда – затеряться среди них было проще простого, что мы периодически и делали, зазевавшись у очередной витрины секс-шопа, или у очередной сувенирной лавки. И только флажок Лены, как путеводная нить Ариадны всегда выводил нас на нашу группу.

Первым пунктом конечно же была прогулка по живописным каналам Амстердама на катере. Проплывая по каналам между домами, мы восхищенно рассматривали все что выплывало нам навстречу из-за следующего поворота. Ни один дом не был похож на другой. Узкие и высокие – эти дома не были похожи вообще ни на одно строение, виденное мною до этого дня. Дома обычно были трех или четырехэтажные, как утверждала гид, на первом этаже располагалась лавка, на втором и третьем люди жили, а на верхнем этаже был склад – для чего под козырьком крыш у всех домов торчали балки с колесиками на конце. Посредством этих балок на веревках поднимались тюки с товаром, а, чтобы их удобно было затаскивать – окна в домах начинались от пола, – никаких подоконников.

Когда мы проплывали под старинными мостами, мне казалось, что вот прямо сейчас из сумрака выскочит та самая крыса из сказки Андерсена, которая утащила стойкого оловянного солдатика.

Набережная была усеяна велосипедами всех мастей – их там были тысячи. Кстати, главный на дороге в Нидерландах не пешеход. Главный на дороге – велосипедист. Ему уступают дорогу все, потом после них могут переходить дороги пешеходы. Самые бесправные на дорогах – автомобилисты, которых в городе и так поразительно мало. – Эти бедолаги вынуждены уступать здесь всем и везде.

Некоторые дома немного покосились – незаметно, если бы голос корабельного гида в наушниках не обратил на это наше внимание – никто бы и не заметил. Красота архитектуры поражала, на каждом доме был изображен герб, указывающий чем занимался его владелец. У домов где раньше жили купцы, торгующие оружием, под крышей красовались пушки, у тех, кто строил корабли – кораблики, и все это было бережно сохранено.

Наконец мы пришвартовались и пошли в тот самый легендарный квартал красных фонарей.

Выйдя по узким улочкам на церковь, мы остановились. Прямо напротив нее, в двадцати метрах, с витрин нам кокетливо улыбались служительницы коммерческого секса. Я знал, что проституция в этой стране легализована, как и марихуана, но, чтобы прямо напротив церкви! Оправившись и даже уже немного привыкая ко всему новому и необычному для нас, мы продолжали глазеть на окружающее нас буйство всего того, чего там, откуда я свалился на этот непохожий ни на один другой город, даже представить себе не могли. Терпкий запах марихуаны возле церкви, и девочки, весело подмигивающие нам с витрин – не это ли символы города любви и свободы?

Дед Вольдемар остановился и стал в ответ подмигивать девушкам на витринах, – те, развеселившись, стали зазывно кокетничать и смеясь жестами показывали деду то что они с ним могут проделать, если он на это решится. Группа забыла про Лену и уставилась на разошедшегося деда и девчонок. А поскольку мы с дедом держались вместе – то и на нас. Николя, заметив

такое пристальное внимание, тихонько потащил меня за лямку рюкзака в сторону от деда, бормоча извиняющимся тоном: «нет, нет, – мы не с ним». – Веселье начиналось. Те, кто смотрел на нас с дедом Вольдемаром, прыснули со смеху. – Экскурсия обещала быть великолепной.

Лена собрала нас в кучу и торжественно произнесла, указывая рукой вниз: обратите внимание на эти медные женские груди. – Под ногами, прямо в брусчатке, действительно были две груди второго размера в натуральную величину. – Никто не знает, как они тут очутились и когда, но они стали достопримечательностью старого города. Существует поверье, повествовала Лена, что стоит их только потерять, или постоять на них мужчинам – то их мужская сила и здоровье сохранится до самой старости! – Мы тут же ломанулись их тереть. Женская половина развеселилась окончательно.

Побродив по величественным храмам и секс-шопам, мы договорились через пару часов собраться у музея восковых фигур мадам Тюссо, и разошлись в поисках приключений каждый сам по себе.

Дед Вольдемар загорелся желанием купить своей бабке кружевное нижнее бельё как на девушках с витрин в квартале красных фонарей. Как мы ни пытались его переубедить – дед настроился решительно и послал нас в пешее путешествие одних. – Выбор нижнего белья для любимой не терпит посторонних глаз.

Воспользовавшись этим, Коля потащил меня к каналам, на набережных которых в избытке находились небольшие кафе. Нырнув с заговорческим выражением лица в одну из них, через пару минут он уже протягивал мне пирожное. Загадочно подмигнув, он произнес: с марихуаной!

Я знал, что ее курят и даже пробовал, но пирожное видел впервые. Мы сели за столик, заказали пиво, и я с величайшим интересом его съел. – Вкусное...

Уже выпили по кружке глядя как по каналу снуют туда-сюда кораблики, – а эффекта от пирожного ноль. За второй кружкой решили пройти посмотреть весь квартал красных фонарей, а затем встретиться как договаривались с дедом и группой возле музея. Однако встать оказалось не так-то просто! – Наконец-то нас накрыло марихуаной. Причем наглухо, как тазиком по голове! Коля уже повеселел, хотя и так было весело. Хмурый день превратился в обалденный, прекрасный радужно-хмурый. Выглянуло солнце, вода в канале заиграла красками, небольшие баржи, стоящие вдоль берегов, были обитаемы, – живущие в них люди очень любили цветы, как, впрочем, и остальные голландцы, практически на всех были разбиты цветники и клумбы.

– Как здорово, наверное, жить на такой барже думали мы с Колей, наконец оторвавшись от стульев. Душа пела. Глаза пировали – то что мы увидели за это время, не поддавалось никакому сравнению, – столько всего! Из очередного секс-шопа мы вышли в задумчивости – сколько всего оказывается можно запихать в отверстия в теле!

В магазинчике с продукцией для любителей жесткого секса, кожа покрывалась мурашками несколько раз – нет предела человеческой фантазии.

Закупившись сувенирами, – мне зять добыл ярко-зеленую футболку с огромным на всю грудь листом марихуаны и надписью «Amsterdam» и еще кучей всяких безделушек, мы окунулись в царство женской красоты.

Девушки на витринах были красоты неземной – в нижнем белье, из-за которого деду Вольдемару снесло временно крышу, они были похожи на сказочных принцесс. Красота красных, белых, черных кружевных и атласных нарядов девушек подчеркивалась красным светом витрин, создававших какую-то волшебную ауру, – невозможно было отвести глаза. Принцессы, видя восторженные взгляды, улыбались и приглашали жестами войти. Завороженно мы любовались красивейшими представительницами рода человеческого. Изящные точеные фигурки, матовая кожа, у некоторых небольшие тату. Девушки непринужденно разговаривали между

собой, улыбались и приветливо махали ручками прохожим. Медленно передвигаясь по кварталу, мы и не заметили, как подошло время встречи у музея мадам Тюссо.

С легким сожалением мы двинулись в направлении площади. Опять немного заблудившись, случайно прошли мимо одной и той же витрины уже в четвертый раз. – Мы уже проходили там, когда шли в квартал, второй раз – когда заблудились вначале похода по кварталу, потом, когда шли обедать, и сейчас, когда выходили из квартала. Девушки это заметили, и на четвертый раз уже весело смеялись, глядя на нас. Мы тоже веселились, понимая весь комизм ситуации, представив, что подумали про нас принцессы. Махнув напоследок красавицам, мы с Николя вынырнули из волшебной сказки. Да, дед многое потерял, решив потратить время на шоппинг – думал я.

Лена стояла, подняв флажок высоко над головой, поэтому не смотря на ее небольшой ростик все легко ее нашли. Дед сиял. – Было видно, что он нашел то что искал. Марихуана к этому моменту достигла апогея силы своего воздействия – глядя на сияющего деда мы с Николя просто умирали от смеха. Все туристы группы видимо тоже приложились кто к пирожным, а кто и к грибам-галлюциногенам, настроение у всех было приподнятым как перед встречей Нового года, днем рождения и походом на концерт группы Queen в одном флаконе. – Лена, видя такой боевой настрой, решительно повела своё войско на штурм музея мадам Тюссо.

Воск просто убил наповал – никогда бы не подумал, что такое возможно, он передавал каждую морщинку, все родимые пятна и веснушки у Мэрилин Монро, Папы Римского и даже у Фионы со Шреком. Возле фигуры Мэрилин из решетки в полу периодически взлетал поток воздуха, подхватывая ее платье – как в фильме. И все девушки обязательно фотографировались над этой решеткой, восторженно придерживая взлетающие юбки и платья рукой. Марихуана приказала нам с Николя тоже там сфотографироваться, придерживая таким же жестом несуществующие юбки, – фотографии получились на редкость веселыми. Обычно в музеях ходят с умными лицами, задумчиво разглядывая экспонаты. Но только не в музеях Амстердама, – тут мы отрывались как хотели, соблюдая нормы приличия конечно. Но веселее этого похода по музеям я не припоминал. Кстати, Анжелина Джоли вблизи не такая уж и красотка, – девчонки из квартала красных фонарей были в тысячу раз красивее. Вдоволь насмотревшись и сделав массу снимков, группа в радужном настроении высыпала на улицу.

К концу дня мы попали в какой-то секретный сырный магазин. Все стены и полки были заставлены сырами различных сортов. Вкуснейший твердый сыр, мягкий сыр, зрелый, незрелый, козий, овечий, зеленый, красный, белый оранжевый желтый голубой... – и все разрешалось пробовать! – Просто обалдеть!

Примерно на двухсотом сорте сыра я понял, что на вкус они уже стали все одинаковыми и похожими на сырок плавленый «адыгейский».

И вот он настал, тот самый час, когда гид решительно отрезала: всё. Собираемся. Автобус подан. Уставшие, но довольные, мы расползлись по креслам. Смеркалось, тронувшийся автобус тихонько укачивал, за окном блестели в закатном солнце корабли в порту, попивая из баночек лимонад с марихуаной мы полулежа смотрели на загорающиеся фонари...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВЕДЬМА

Я проснулся поздно. Солнце показывало позднее утро. Бо препарировал тушу. Нужно было скорее выбросить ее, иначе она уже начинала пахнуть. Броня из роговых пластин впечатляла. Спереди и сверху ее было практически не пробить оружием кронгов. Бока в передней части тоже были бронированы на совесть. Лишь подбрюшье было уязвимым настолько, что воин с мечом мог, поднырнув, наделать много пакостей этим тварям. Вокруг Бо стояли полукольцом вожди, воины и вездесущие детишки, которых все безуспешно пытались отогнать. Обозначив уязвимые зоны в бронировании варанга, принялись за содержимое желудка. Когда из него вывалилась человеческая голова с плечом и частью груди – детишек как ветром сдуло, часть воинов тоже непроизвольно отпрянула. Рассмотрев татуировки Скьярд уверенно произнес: это воин соседнего восточного племени. Нужно отправить небольшой отряд разведчиков разузнать что там произошло у соседей. Все остальное содержимое невозможно было определить, но видно было что кости человеческие.

Собрав наиболее опытных воинов и старейшин, пригласили и нас.

Скьярд, окинув всех вопросительным взглядом, наконец произнес: я хочу услышать ваши мысли по поводу тварей, появившихся в наших землях со стороны восходящего солнца. – Начнем с младших по возрасту воинов.

Скьел, кашлянув, поднял руки ладонями вперед.

– Предлагаю на основе того что мы тут увидели, создать несколько охотничьих разведывательных отрядов для обнаружения этих тварей.

Поднял руки старый, весь в шрамах старик.

– Предлагаю отправить отряд на восход солнца, разузнать у восточных племен откуда взялись эти твари.

Поднялся негромкий гул голосов. Все обдумывали предложенное.

Посмотрев на Бо, и увидев, что тот утвердительно прикрыл глаза, глянув на меня, я поднял руки призывая к тишине.

– Друзья, вы забыли о нас! – Произнес я с улыбкой.

Присутствующие обернулись ко мне.

Все предложения подходят к нашей ситуации, однако они все сопряжены с риском. Мы предлагаем: разведотряды не посылать – мы не знаем всей обстановки и рискуем потерять их, мы все стали свидетелями той резни, на которую способны варанги. – У нас для этого есть воздушный разведчик. – Старейшины еще не видели его в действии, но были наслышаны о «птице со всевидящим оком», все одобрительно закивали.

Также я предлагаю отправить на восток вместо отряда нашу повозку- краулер. – Это будет быстрее и безопаснее. Возьмем с собой Скьела – он хороший разведчик, я до сих пор не могу поверить в то, как они нас тогда обнаружили, также многие племена его знают, как сына вождя. Одобрительный гул голосов был ответом на эти предложения.

С позволения великого вождя я хочу предложить план действий: – поскольку через восемь дней новолуние, невеста Скьела на днях выедет сюда. Также, если мы не обезопасим земли от тварей до прибытия каравана, возможно нападение и на него. Поэтому у нас есть восемь дней на разведку и зачистку местности. Еще несколько дней на праздник, а затем нам нужно будет выдвигаться на восток. И хочу вас предупредить – наше пребывание у вас на этом прервется, дата следующего появления точно пока неизвестна. Кроме того, – нам нужно заняться изысканиями, ради которых мы собственно и появились здесь.

Обсудив еще ряд вопросов, все согласились с моим планом и разошлись.

Бо уже утащил краулером тушу подальше, и сидя на его крыше наслаждался тем что разглядывал местных девушек. – Те стояли стайкой поодаль и тоже внимательно разглядывали

вали Бо, переговариваясь о чем-то и весело смеясь. Подойдя, я тоже посмотрел на девушек, махнул им рукой, чем вызвал ажиотаж в их рядах и повернулся к своему второму номеру. – Если будем охотиться на тварей, думаю снять гусеницы, – на колесном ходу у нас запас скорости увеличится почти в полтора-два раза, ты как, не против? Он утвердительно мотнул головой, не отрывая взгляда от высокой, статной брюнетки. Оглянувшись на предмет внимания Бо, я отметил про себя что у него губа не дура. – Там действительно было на что посмотреть. Стройная, грудастая брюнетка со светлыми глазами. Бо не устоять – подумал я, направляясь внутрь краулера, пора было запускать коптер. Через некоторое время вошел Бо. – Чур я с коптером, – а тебе устанавливать датчики обнаружения полезных ископаемых на том конце стойбища, ближе к воде, – пробормотал я, выводя аппарат на вертикальный взлет. Захватив контейнер с датчиками, Бо ушел. Выведя коптер на нужную высоту, я повел его по расширяющейся спирали от стойбища. – Пока ничего, – пасущиеся дорны, детишки, поля. В корпус машины слегка постучали и приятный грудной женский голос произнес: могу ли я войти? – Войдите, вполголоса произнес я, отрываясь от экрана, с досадой думая про себя: – ну кто там еще?!

Темно-голубые глаза. Длинные, густые черные волосы. Точеное лицо. Брови, разлетающиеся птицами и длинные пушистые ресницы. Слова приветствия застряли у меня где-то на полпути. Матово-белая кожа, свежее дыхание и цветочный запах напрочь отбили все мысли. Уставившись на девушку, я молчал. Она улыбнулась и продолжила, – отец приглашает вас на трапезу в полдень, вы придете?

Даже если бы ее отец был людоедом, я пошел бы не раздумывая.

– Конечно! Конечно я приду. Лихорадочно перебирая отцов стойбища, я пытался определить к кому же меня пригласили.

Как поживает ваш отец? – Выдал я то что первым пришло на ум.

Ее брови удивленно построились домиком – хорошо поживает, учитывая то что вы полчаса назад разговаривали вместе на совете. – Он вернулся в прекрасном расположении духа.

Так, отлично. Мысли как ночные мотыльки, в панике бились изнутри о черепную коробку. Молодых отмечаем, остаются трое старейшин, шаман, и собственно Скьярд. Чья же ты дочь-то?!

Э-э-э, – я еще не очень хорошо знаю стойбище, начал я.

Девушка все поняла и улыбнувшись продолжила: жилище шамана белого цвета. – Оно одно такое.

Дочь шамана. – Ведьма наверняка.

Спохватившись, я наконец вернул себе способность мыслить. – Присаживайся, прости что сразу не предложил, я тут немного занят – замялся я, мысленно проклиная себя за это.

– Зови меня Карг. – Странное имя, но ничего не поделаешь.

Не стану же я ей говорить, что я АН123336, как и Бо не Бо вовсе, а АТ816200, имена в военной разведке нам не полагались.

– Нинья.

Вот и познакомились. Глянув на экран, я чуть не выронил пульт – там все было белое.

Обратившись к девушке произнес: прошу извинить, тут у меня небольшая проблема, если ты посидишь немного, я покажу тебе ваши земли с высоты птичьего полета. Нинья согласно кивнула. Обернувшись к экрану я уже понял в чем было дело. Пока я тут мило общался, коптер ушел в облака. Чтобы резко снизиться, я перевел его почти что в режим свободного падения. – И вот на экране опять нормальная картинка. Пригласив Нинью пересест поближе, я навел объектив на стойбище и увеличил приближение. Затем указав девушке смотреть в монитор, высунулся из краулера и помахал рукой коптеру. Нинья была поражена. – Вот и настал мой черед творить чудеса вводя простых людей в ступор, подумал я.

Спиралью летел воздушный глаз все дальше от родного стойбища, охватывая все большее пространство, – так, наверное, думала Нинья, сидя в кресле перед монитором. Вернее, я так думал, что она так думала.

– Твари пришли с востока, почему бы не рассмотреть в первую очередь то направление?

А девушка-то не глупа. Я посмотрел на нее другими глазами.

– Прекрасная мысль. Тем более что ближайшее к селению пространство мы уже осматривали.

Коптер, развернувшись на восток, развил свою максимально возможную скорость. Объясняя девушке как управлять, я сидел чуть позади нее, незаметно любуясь ее кудряшками на белоснежной шее... черт! – Я никогда не думал о том, чтобы связать свою жизнь с какой-либо женщиной, однако теперь эта мысль навязчиво лезла в мою размеренную жизнь. Встряхнув головой чтобы отогнать это наваждение, я придвинулся к монитору и внимательно стал разглядывать указатели, которыми отмечал цели военный коптер. Красным контуром он выделял движущиеся цели, фиолетовым затаившиеся неподвижные потенциальные цели. Девушка этого не знала, поэтому чуть не провела воздушного разведчика мимо. Увидев фиолетовые контуры, я тут же притормозил коптер и увеличил зум. – Нинья замерла, – двадцати лигах от нас стояли в засаде восемнадцать ящеров, в ложбине, среди низкорослых деревьев угадывались их контуры. Оставив в зависшем положении коптер и попросив девушку ничего не трогать, я быстро пошел в дом Скьярда. Навстречу шел довольный Бо, разговаривая с той самой брюнеткой. – Бросив на меня взгляд он тут же извинился перед ней и направился за мной.

Скьярд сидел перед входом в свое жилище, разглядывая оружие и пробуя его остроту пальцем, что-то довольно бормоча себе под нос. Увидев нас, он расплылся в улыбке, но уловив в движениях тревогу тут же отложил свое занятие.

– Есть восемнадцать тварей в двух часах ходу от селения. Предлагаю сейчас же разобраться с ними.

– Каков твой план? – Поинтересовался вождь.

– Мне нужны трое лучших наездников на самых резвых дорнах. – Нужна наживка чтобы выманить всю стаю на открытую местность. А там уже им не уйти.

Вождь быстро дал указание ближайшему стражнику и тот моментально исчез.

– Вы готовьте свою повозку, произнес Скьярд. Мы к тому времени тоже уже будем готовы.

Вернувшись, мы с Бо стали быстро крепить все разложенные в салоне части обстановки – кровати, складные кресла, – всё что может нам помешать. Затем пришел черед гусениц из легированной резины. Для увеличения скорости мы договорились с Бо их снять. Нинья, улучив момент, тронула меня за плечо – я прошу взять и меня с собой, обещаю не мешать. Бо озадаченно посмотрел на меня.

– Извини, мы не можем тебя взять – начал я, но Бо как-то хитро глянул в мою сторону и перебив меня сказал: в задней части машины есть место для двух человек. Если обещала не мешать – то почему бы не взять?

Итак, экипаж из трех человек был готов. Подошел Скьярд, ведя за собой своего дорна, с ним шли Скьел и тот самый Сигга. – Я лучший наездник, произнес вождь. А самые быстрые и смысленные дорны у моего сына и Сигги. – Мы выманит тварей.

– Нельзя рисковать вождем, произнес я. Кого ты сможешь рекомендовать вместо себя? Я думаю, что возражать не имеет смысла, все мы знаем, что будет с племенем если произойдет непоправимое с его вождем, тем более что у тебя болит поясница, – гонка предстоит серьезная, на кон будет поставлена жизнь.

Несколько подумав, поглаживая подбородок Скьярд произнес: на прошлом празднике солнцестояния две из трех наград завоевал дорн вон той девушки, которую зовут Нат. Скьярд повернулся к той самой брюнетке, от которой недавно еле оторвался Бо, и сделал знак рукой.

Нат подошла и выслушав вождя, взволнованно произнесла: я с радостью выполняю любое поручение, все что угодно ради нашего племени.

На том и порешили.

Три дорна стрелой мчались в сторону солнца едва поспевая за краулером, до полудня было еще часа полтора. Вел машину Бо, я сидел за монитором, Нинья разрешили посидеть в бронеколпаке, от чего она была в полном восторге. Около полудня я дал знак Бо сбросить скорость. На мониторе появились отметки. Они были красные – твари перемещались. Судя по всему, у них было отменное обоняние, так как двигались они в нашу сторону. Остановившись, мы быстро еще раз прошлись по плану: три всадника выедут чуть вперед. Краулер встанет в засаде на опушке низкорослого леса, – задача приманки проскакать мимо засады, таща на хвосте погоню. Дальше вступаем в игру мы.

Развернув ствол, Бо прикинул к прицелу. Нинья нашла себе место у бойницы слева. Я же не сводил глаз с монитора. Предварительно те, кто был наживкой, видели на экране где находятся твари. – Варанги передвигались уже в полулиге от нас, точно впереди. Поэтому всадники, выдвинувшись вперед, развернули дорнов головами в нашу сторону и замерли. На мониторе было видно, что варанги охватывают полукольцом трех дорнов, – еще пара мгновений и будет поздно, твари сливались с растительностью и разглядеть их можно было лишь в тот момент, когда пасть уже раскрывалась над головой. – Но это только если не знать заранее об их присутствии.

Три всадника вылетели стрелой перед самым нападением. Тени среди деревьев метнулись за добычей с невероятной скоростью и проворством. Началась гонка, ставкой в которой была жизнь. Дорны, ощутив за спиной дыхание смерти, развили небывалую для них скорость, как потом рассказывала Нат, – ни на одной гонке ее дорн не летел с такой страстью как в этот раз. Он буквально стелился над землей, едва касаясь ее копытами. И все же хищники не отставали. Показалась спасительная опушка. Всадники летели через нее по центру. Показались преследователи. Выждав пока на открытое место выскочат все, я выдохнул – давай! Еще звучала в воздухе команда, когда снаряды преодолели уже половину пути до целей. Звон гильз и ужасающий грохот застали Нинью врасплох. Хотя она и была готова к чему-то подобному, но грохот, усиливаемый замкнутым помещением и звон падающих горячих гильз, привел ее в предобморочное состояние. Только обещание не мешать помогло ей совладать с паническим ужасом. Тем временем твари обернулись на грохот, прекратив погоню, и стали поочередно разлетаться кусками по опушке. Бо застал их, когда они, построившись дугой выскочили к нам боком, поэтому все оказались в небольшом секторе обстрела, – как мы и рассчитывали. Те снаряды, что не попадали в одного – летели в следующего за ним. С шипением твари валились, скошенные одной длинной очередью. Мгновенно заменив опустевший контейнер, Бо водил стволом по сектору обстрела, но как оказалось это было уже не нужно. – Кровавое месиво не подавало никаких признаков жизни. Всадники на взмыленных дорнах осторожно, кругами подъезжали к машине, если остановить животных после такой гонки сразу – у них просто разорвется сердце. Нинья, глядя по сторонам из открытой двери, уже пришла в себя, хотя видно было что она немного оглохла с непривычки. Бо выметал гильзы как ни в чем не бывало. Выпрыгнув, я пошел осмотреть результаты побоища. Нинья пошла со мной. Трое всадников, успокаивая дорнов, тоже повернули к трупам.

Один, два... считал я, семнадцать. Семнадцать. Выхватывая пистолет, я сразу же перевел его на автоматический режим огня. Разворачиваясь я услышал испуганный вскрик Нат. – Из-за ближайших кустов к нам метнулась громадная тень. Тихий, стрекочущий звук пистолета в автоматическом режиме стрельбы был едва слышен. Щелк! – Запасная обойма. – Еще два десятка пуль впились в тело твари.

Труп кувырком подкатился к ногам лежавшей на траве и остолбеневшей от ужаса Нат. – Ее дорн в панике рванулся и сбросил расслабившуюся девушку. Увидев перед собой мчащуюся

на нее смерть, она непроизвольно вскрикнула и зажмурилась, в отчаянии выставив руки перед собой. Бо не стрелял – все произошло мгновенно и нападавший был на одной линии с нами, если бы он выстрелил – то наверняка бы зацепил и нас.

Пока обошлось, но это будет уроком на будущее. – Сначала коптер считает трупы! Всегда.

Скъел изумленно смотрел на пистолет. Он и не предполагал, что этот обрубок металла способен на такое. А учитывая то, что встроенный глушитель я не снимал – эффект был для него просто потрясающим.

Спустя некоторое время, оправившись, мы решили немного поесть. Ввиду того что эти дни нас кормили в стойбище, у нас с Бо оставался приличный запас консервов, которыми мы еще раз и удивили своих новых друзей. Для них наша еда показалась слишком пересоленной, однако им очень понравилось. Особенно тем, кому попались банки с мясными консервами.

Во время трапезы, за разговорами Нинья предложила: раз уж мы заехали на восток, то хорошо бы прочесать местность дальше насколько это возможно. Еще раз отметив про себя ее незаурядные умственные способности, я сразу же согласился. Остальные тоже были не против. – Коптер снова понесся на восток.

До конца дня удалось распотрошить еще две стаи по полтора десятка особей в каждой. Усталые, но возбужденные и довольные, мы направились в обратный путь. Всех пересадили в краулер, уставшие дорны налегке трусили позади на привязи. Поздно ночью мы наконец добрались до стойбища. – Там уже начинали беспокоиться. Когда башенный прожектор осветил стены ограждения, на них вначале началась паника, затем к караульным видимо подошел кто-то из тех, кто был с нами в походе и видел возможности машины, паника понемногу улеглась и перед нами открылись ворота.

Никто не спал. На центральной площади собрались все и расступились, впуская нас вовнутрь импровизированного кольца. На возвышении как обычно находился совет во главе с вождем. Мы заранее договорились что докладывать будет Скъел.

– И когда у дорна от страха полез навоз – я понял, что нам конец! О боги! – воскликнул я! Я еще так молод и даже не увидел свою невесту, которую мне привезут через четыре дня! Не обмакнул пой-пой, не помял ти-ти, хотя возможно она уродина и боги наоборот таким образом берегли меня.

Мнемообучатель явно глючит, надо его перенастроить и прогнать еще разок – подумал я.

– Я уже хотел принять смерть как мужчина – на поле битвы, а не выпасть на следующий день лепешками из брюха этой твари – продолжал молодой воин. И тут Карг из вон того куска металла понаделал дырок в шкуре последнего варанга! – Народ, который превратившись в слух, не дыша слушал рассказ, наконец с шумом выдохнул и все обернулись посмотреть на мой пистолет.

– Умел рассказывать Скъел, надо сказать. А может мнемообучатель и не глючит...

Следующие четыре дня мы по утрам расставляли зонды, которые обнаружили большие залежи меди, радиоактивных металлов, коксующегося угля и известняка, а после уходили в походы за варангами, коих за это время удалось перебить больше трех сотен. Три дорна привыкли быть наживкой и даже порой казалось, что они и удирали-то уже не с той страстью как вначале. Однако количество ящеров не уменьшалось. На месте перебитых с завидным постоянством появлялись новые стаи.

Как мы и планировали, на пятый день мы взяли Скъела и налегке добрались до того поселения откуда должен был быть тот воин, которого мы достали из желудка ящера. Без всадников, только на краулере, наша скорость была в два раза выше. А поскольку мы не останавливались – ибо машина не знала усталости, к вечеру преодолели расстояние равное четырем верховым переходам.

Зрелище было удручающим. Было видно, что люди в панике покидали стойбище, взяв только предметы первой необходимости. Скъел после осмотра подошел к нам: обычно при таких обстоятельствах, неподалеку оставляют совсем немощных и больных, которые сами изъявляют желание не быть племени обузой, произнес он. Им оставляют еду и питье на несколько недель, а потом они тихо умирают. – Я предлагаю поискать их.

Вновь мы подняли коптер и через некоторое время неподалеку, на невысоком холме, заметили дым. Приблизив изображение увидели узкую расщелину в скалах. Очень узкий проход был накрыт сверху ветками и шкурами из-под которых и вился дымок.

Скъел пошел первым. Издалека, чтобы не напугать обитателей, он громко произнес слова приветствия и представился: я сын вождя кронгов Скъел! У меня мирные намерения, можно ли войти?

– Входи! – Раздался радостный голос.

– Со мной мои друзья, мы хотим помочь вам.

– Входите конечно!

Откинув шкуру закрывающую вход, мы увидели одинокого старика.

– Я старейшина Бьорк, представился он. Очень рад вам, не ожидал увидеть хоть кого-то. Мы тоже представились.

– Прежде всего прошу меня простить, произнес старик, но скажите мне, нет ли у вас с собой воды?

Жадно напившись и с наслаждением жуя остатками зубов вяленое мясо, старик стал рассказывать:

Все началось несколько лун назад. Сначала не вернулись два охотничьих отряда, ушедших в сторону восхода. Один за другим. Посланный за ними усиленный поисковый отряд тоже пропал. Вождь собрал совет, и мы решили отправить туда самых лучших охотников и разведчиков маленькими, незаметными группами по три-пять человек. Мы когда-то воевали с племенем что далеко на восходе солнца от нас, но это было давно. – Видимо опять будет война, подумали тогда мы. И вот лазутчики ушли. Пять групп. До начала новолуния оставалось одиннадцать дней. Было обусловлено что вернуться нужно до этого срока. Однако время вышло, но вестей так и не было. Неожиданно на тринадцатый день одна группа вернулась! Их было всего двое. Вернулись пешком, изнуренные и потрясенные.

Изначально они выслеживали врагов из соседнего племени. Поэтому принимали все меры предосторожности от людей: копыта дорнов обматывали шкурами, старались передвигаться по твердой поверхности чтобы не оставлять следов. Не разводили костров. Не задевали ветки. Они шли и шли по следу последнего крупного отряда, посланного нами за первыми двумя. И на исходе пятого дня наткнулись на то что от него осталось. А осталось там мало чего – разбросанная амуниция дорнов, часть оружия и обглоданные мелкими зверьками фрагменты костей. Тогда же они поняли, что это сделали не люди. Странные, огромные четырехпалые следы ни о чем, кроме гигантских размеров, оставивших их не говорили. Продвинувшись вперед еще на два дня, они наткнулись на стойбище какого-то племени. Очень давно в нем никто не жил, лишь ветер обметал пылью белеющие кости. Ограждений не было видно, видимо люди недавно переселились сюда и не успели еще их построить. До срока возвращения оставалось немного времени и все пятеро разведчиков приняли решение возвращаться. Им не повезло в том, что заночевали они в этом разрушенном поселении. Вечером на них напали. Их выследили по запаху как дичь. Окружили и неожиданно напали. Трех сожрали мгновенно. А эти двое спаслись тем что осматривали в этот момент жилище вождя и успели залезть на крышу, пока твари ломались внутрь. Просидев на крыше два дня они все же решились спуститься. Понимая, как охотники, что твари найдут их по запаху, воины передвигались весь день пешком по ручьям и на стволах деревьев по небольшим рекам. Затем, выбравшись,

они три дня почти без остановок и отдыха добирались к нам. После услышанного от них мы собрали сильный отряд и послали его уничтожить тех тварей. Его возглавил сам вождь, с ним были два опытных старых воина, одним из которых был я. Мы выманили тварей в центр того старого стойбища и напали. Но наше оружие было бессильно против их шкур! Лишь одна тварь подохла, погнавшись за мною и еще двумя воинами. Мы были разгромлены и бежали. То стойбище не было ограждено и построить они успели только жилище вождя и два десятка строений, однако на дальнем его конце они все же начали возведение укреплений. Туда мы и бежали по какому-то наитию. Перескочив небольшой ров, который выкопали чтобы затем установить в него частокол, я споткнулся и сильно повредил ногу. Тварь неслась прямо на меня, но тоже споткнулась на том же рву и упала брюхом на заточенное бревно, подготовленное для частокола. Оказалось, что на животе у них нет брони и тварь, разбрасывая в конвульсиях лапами кровь с грязью и вывалившимися кишками, яростно шипела, пытаясь достать меня. Два воина которые были со мной, были очень опытными и смелыми. Они вернулись и забрали меня. Кроме нас погибли почти все. И вождь в том числе. Нам троим и как оказалось потом, еще десятку воинов удалось выжить. Мы трое вернулись первыми. Рассказали про то что произошло. А затем вернулась та десятка и притащила у себя на хвосте стаю тварей. Началась паника, мы загнали дорнов на огражденную территорию стойбища, закрыли ворота и перешли на осадное положение. Через несколько дней нам пришлось послать за помощью четырех человек. Один из них отправился к вам – поэтому вы и пришли. Еще один разведчик неожиданно вернулся и сообщил нам что стая на что-то отвлеклась и ушла на север. Срочный совет из оставшихся трех старейшин решил: как можно быстрее уходить на юг, немедленно – среди обезвоженных и голодных дорнов начался падеж, люди изнемогали без воды, боясь выйти за ограждение. Взяв только самое необходимое, бежать. На юге у нас родственные племена – они нам помогут. На полпути туда, у границ территории племени, есть долина, в ней можно будет немного отдохнуть на длинном пути. У меня же распухла нога и я, чтобы не быть обузой, решил остаться. Навьючив только то без чего не прожить, на полуживых животных, племя выскользнуло из ловушки.

Десять дней назад твари проходили мимо, протиснуться в расщелину они не смогли и оставили меня в покое. А два дня назад у меня кончилась вода. Хотя нога не зажила, но сходить за водой я все же бы смог. Однако мысль о том, что если я выйду – то убежать от них я уже не смогу останавливала меня каждый раз. Поэтому я тихо умирал здесь, пока не услышал голос вашего Скъела.

Слушая старика мы с Бо осмотрели его ногу. Бо сходил в краулер. Брызнул на опухшую лодыжку парализатором. И когда старик, не подозревая ни о чем принялся опять жевать вяленое мясо, резко дернул ногу. Старик вскрикнул, но от неожиданности, а не от боли. Мы перемотали эластичной лентой ногу и на вопросительный взгляд Скъела я ответил: вывих, возможно повреждена связка. Скъел непонимающе моргал. – Говорю кости съехали – Бо их на место поставил, и жила одна, наверное, почти порвалась. Если не будет на ногу наступать до следующего новолуния – зарастет жила и еще сто лет проходит на этой ноге. Услышав это, старик оживился, радостно благодаря нас. – Давай старик, с нами поедешь. Ты главное не бойся и ничему не удивляйся. Он растроганно лишь мотал головой, слезы лились у него из глаз.

В краулере слезы моментально высохли, вместо этого удивленно полезли на лоб глаза. Но так как он обещал не удивляться – то старался не показывать вида. Скъел украдкой давился со смеху, вспоминая как сам увидел все это впервые. – Мы с Бо тоже сдерживались изо всех сил. Машина легла на обратный курс. Старый Бьорк вначале ошарашенный, теперь клевал носом лежа на кровати Бо, раскачивающийся на кочках краулер убаюкивал не хуже детской колыбели.

– Так вот старик, ваш воин до нас не добрался. А нашли мы тебя все же благодаря ему – отец распознал его по татуировкам, когда мы распороли живот одной твари, произнес Скъел.

У старика разом слетел сон. Он с трудом сел, помолчал, а затем тихо промолвил: теперь я совсем один. Это был мой племянник. Последний мой родич. В тех поисковых отрядах погибли оба сына, а теперь и он. Бьорк вновь прилег и отвернулся к стене.

Дед, если тебя это успокоит, мы перебили около трехсот тварей – произнес Бо не отрываясь от штурвала. Старик опять медленно присел на кровати. – Я не расслышал, сколько тварей? – удивленно спросил он.

– Три сотни, может больше, мы не считали точно, произнес я.

Старик молча переваривал эту новость. Затем он недоверчиво произнес: как это возможно?

Скъел решил вмешаться. – Эти люди из другого мира. И оружие у них другое. Пробивает тварей насквозь. Ты отдохни, сегодня на тебя слишком много всего навалилось, отдохни старик.

Так вполголоса переговариваясь мы и вернулись под утро в стойбище.

На седьмой день вновь собрался совет. Всю полученную информацию основательно обдумали. – Тварей перебили, но убедились, что они все равно лезут как из-под земли.

Поэтому было решено выслать за караваном с невестой Скъела все тот же истребительный отряд, чтобы в случае необходимости их обезопасить и расчистить дорогу.

И вот накануне новолуния к северным границам не спеша, но поторапливаясь полетел коптер, за ним краулер, а за краулером не отставая три всадника.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ

Конечно же в краулере сидела Нинья. Бо убедил шамана и старейшин в том, что без нее наш экипаж как дорн без пятой ноги, в смысле как телега без запасного колеса. – В смысле один ведет, второй за пулеметом, а за летающим глазом смотреть некому.

Шаман Хрор, кстати, по прозвищу «Третий глаз на затылке» – за его пронизательность, недоверчиво смотрел в честные глаза Бо. Под его проникающим в самый копчик взглядом ёжился даже сам Скъярд. Но Бо свято верил, что делает мне этим одолжение, – а ради меня он готов был выдержать что угодно. Даже покраску своих редющих светлых волос краской, которая подозрительно пахивала дерьмом дорнов. Все в племени были брюнетами, – а этот блестел лысиной вперемешку с белобрсыми четырьмя волосинками в три ряда.

Бо честно округлил и без того круглые глаза и выпалил шаману: она за эти дни научилась им управлять – клянусь! Получше нас с Каргом! – В этом он не лгал, девушка и правда стала мастерски засекают на экране цели, буквально сливаясь воедино с коптером. Хрор, воин в полном расцвете сил, занимая пост великого шамана племени, имел второй по значимости статус после вождя. – Поэтому привык к тому, что все перед ним передвигались либо тенью, либо вообще без острой надобности старались не попадаться на глаза.

Помедлив, он все же поверил Бо, тем более что тот был самым «великим и могучим убивающим троих мимоходом, – непобедимым убийцей варангов громом из вон той палки». Просверлив в голове Бо дырку своим взглядом глубоко посаженных глаз, а также и третьим глазом с затылка, Хрор утвердительно кивнул, доверяя единственную дочь двум мужчинам детородного возраста, которые будут находиться с ней в одном замкнутом помещении.

За время истребления тварей запасы снарядов у нас заметно поубавились, оставалась едва ли половина от первоначального объема. Но все же были еще внушительными.

Итак, наша дружная мобильная группа стремительно приближалась к западным границам. Так как дорны были налегке – все припасы, обычно затрудняющие им передвижение, были в краулере, – они мчались с удовольствием и всегда были готовы к встрече с противником. А противником у нас были на этом пути только варанги. Ящеры полагались на обоняние, мы же – на воздушную разведку с датчиками движения, тепловизорами и двухсот кратным зумом увеличения. – У тварей не было шансов.

Но против каравана варанги располагали колоссальным преимуществом...

В западном направлении их не было, но на утро за день до новолуния коптер выделил тридцать фиолетовых целей в двух лигах от нас, а еще на лигу впереди мы увидели основную нашу цель – караван.

По установленному меж нами условному знаку – башня разворачивалась в сторону всадников, а ствол поднимался почти вертикально вверх, Скъяел понял: впереди опасность, – общий сбор. Остановившись и собравшись у экрана, мы должны были быстро разработать план. Но в этом случае все было не так – впереди шел ничего не подозревающий караван. И твари, почуяв, поджидали именно его – так как он был ближе. – Это было видно по дуге, в которую они выстроились, в эпицентре атаки были явно не мы.

Скъяел, нахмурившись, озвучил то что мы все видели: не успеем.

– Предлагаю вас троих на дорнах вперед не гнать – вы все равно не успеете к нападению. Сейчас же краулер на максимальной скорости пойдет на помощь, – главное не опоздать. Наша задача зайти сбоку между караваном и засадой. Варанги как обычно подпустят их, а затем цепью в форме полукруга начнут загонять. Если краулер выскочит сбоку от цепи – то как всегда мы сможем уложить максимальное количество тварей с первой очереди. – Главное успеть до их

атаки, иначе последствия вы знаете! Всадники действуют на свое усмотрение, но без лишнего риска. Все согласно кивнули. Дверь захлопнулась на ходу – краулер с места взял в карьер.

Нинья! Сколько точно целей?

– Тридцать две! – Девушка прильнула к монитору.

– Как только я скажу, ты ставишь коптер на автопилот как в тот раз, помнишь? – Вон та клавиша.

– Конечно!

– Ставишь на автопилот и берешь вон тот контейнер со снарядами, – тварей на этот раз больше, одним контейнером нам их не положить. Как только подашь второй – тут же бери третий и будь готова помочь в перезарядке, все понятно? Действовать нужно очень быстро – мы опаздываем!

– Я поняла, серьезно проговорила девушка, не отрываясь от управления коптером.

Караван шел со средней скоростью. Рассчитывали к полудню отдохнуть у реки, а затем заночевать в одном дневном переходе от цели визита. – Поэтому не стоило напрягать всадников и дорнов, тем более что легкие повозки с приданым и дарами не могли развивать слишком большую скорость. Саска – средняя дочь Зурра, и он сам ехали верхом в центре колонны. Караван был внушительный, – пять сотен лучших воинов верхом и десяток повозок.

Тревогу поднял левый передовой дозор. – Два дорна мчались к колонне стрелой, третий вместе с всадником бились в конвульсиях в пасти огромного варанга. Из зарослей, стелясь над травой, в атаке вытянув вперед длинные шеи, во всей своей хищной стремительности надвигались жуткие твари. Начавшаяся вначале паника тут же прекратилась – все же это были отборные пять сотен ветеранов. Воины со всей возможной поспешностью стали строиться в прямоугольник вокруг вождя, выставив вперед острия копий.

Два ближайших хищника, пробив передний строй и не получив серьезных повреждений принялись кромсать все что было в их досягаемости. Остальные варанги приближаясь перестраивались, намереваясь замкнуть жертв в кольцо смерти. Люди вступили в свою возможно последнюю в жизни схватку.

Гром и молнии! – С края опушки ударил пулемет, вырывая куски плоти из тел хищников. На ходу стрелять прицельно невозможно, огонь открыли остановившись, тем более что вероятность попасть в мечущихся среди ящеров людей была предельно высока. Опешившие люди и звери озираясь замерли на миг. Затем воины зигов попадали на землю закрывая в ужасе головы руками. Дорны, топчя людей вырвались из охраняемого периметра и понеслись в стороны. Варанги хищно шипя вновь стали рвать жертвы – и обезумевших животных, и распластавшихся людей.

– Снаряды! – Я оглянулся. Нинья уже подавала контейнер. Щелчок – гром возобновился.

На поле боя, в кровавом месиве били ногами в конвульсиях разорванные хищниками и снарядами дорны, издавая утробные, протяжные предсмертные крики, варанги шипели, забрызгивая кровью и разорванными кишками корчившихся в ужасе на земле людей.

– Снаряды! – Щелчок. – Гром и молнии.

Один из двух хищников, прорвавшихся в центр обороняющихся, оставляя за собой разорванные и покалеченные трупы оказался возле вождя, кучка самых смелых, погибая, тщетно пыталась преградить ему путь. Стрельба по этой твари была невозможна – рядом вплотную стояли обороняющиеся воины.

Три всадника показались из-за ближайших деревьев, не сбавляя немислимой скорости, прямо по телам, они врубались в это кровавое месиво. Быстро приблизившись к редющим защитникам вокруг вождя, передний всадник, выхватив меч, на полном скаку спрыгнул с дорна и проехав по траве на спине прямо под тушей твари, рубанул изо всех сил вдоль

всего ее брюха. Разом из распоротого живота вывалились дымящиеся паром кишки, завалив отчаянного воина. Хищник хрипя стал заваливаться набок. Два других всадника добились тварь копьями в глаза. Пулемет, дав последнюю короткую очередь, замолк.

Наступила звенящая тишина, прерываемая лишь редкими стонами бьющихся в предсмертной агонии дорнов. Ствол дымился. Нинья на мониторе быстро подсчитывала уничтоженные цели – тридцать две! – Можно выходить без опаски, доложила она.

Выбравшись из-под туши варанга, к Зурру подошел Скьел – тем бесстрашным всадником оказался именно он. Стирая с лица и стряхивая с кожаных доспехов кровь убитой им твари, он как ни в чем не бывало поприветствовал вождя: от имени моего отца Скьярда, я приветствую великого Зурра и его дочь!

Лучшего появления Скьела и придумать было невозможно. Поражены были все, даже мы. На наших глазах рождалась легенда, которая будет передаваться из поколения в поколение.

Вождь взял себя в руки: мы благодарим богов за ваше появление! Вы подросли как нельзя вовремя. – Я был свидетелем доблести ваших воинов, но после произошедшего с нами сегодня, я более чем уверен, что отдаю дочь самому достойному ее руки воину. А также отдаю должное мудрости твоего отца Скьярда. – Тогда, когда мы вас окружили, имея трехкратное превосходство, у нас не было сомнений в том, что мы победим. Теперь я еще раз убедился, что нам было не победить и Скьярд принял единственно правильное решение, предотвратив войну между нашими племенами. Я всегда буду благодарить богов за то, что в тот день они так повернули ход судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.